

Колетър

1

ЯНВАРЬ
1970

Костёр

1
ЯНВАРЬ

1970

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

1

О своих встречах с Влади-
миром Ильичом Лениным
рассказывает Е. В. Бонч-
Бруевич

„Мужское воспитание“ —
повесть Бориса Николь-
ского начинается на стра-
нице

9

27

„Лев вышел из клетки!
Он идет по городу!“ Чи-
тайте сказку Ю. Яковлева

Что такое социология?
Ответ на странице

39

43

В Совете друзей знатный
токарь Балтийского заво-
да Алексей Васильевич
Чуев

Дорогие даты

Е. В. Бонч-Бруевич

Рисунки С. Острова

В 1917 году мне было тринадцать лет. В это время я впервые в сознательной жизни увидела Ленина. Каждая черточка жизни Владимира Ильича дорога и интересна всем людям. Вот почему я и решилась написать эти краткие воспоминания.

Мы, дети, тоже были заняты тогда «большими вопросами» и больше интересовались политикой, поэтому мало что сохранилось в памяти о быте того времени.

Но что помню, расскажу.

1917 год. Петроград

24 февраля по старому стилю был день моего рождения. Я ждала в гости своих друзей — ребят, но никто не пришел.

Вечером собрались взрослые, поговорили о чем-то и разошлись. С ними ушли и мои родители.

Позже мне стало известно из рассказов отца, что в этот день в рабочих районах, на заводах и фабриках, в войсковых частях было беспокойно, начались революционные выступления, собрания, митинги.

Собравшиеся у нас товарищи были членами партии большевиков. Обсудив положение, они разошлись по заводам, в рабочие районы, в солдатские казармы. Отец мой, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, отправился в Волынский полк, мать — Вера Михайловна Бонч-Бруевич (Величкина) — в Выборгский район.

Все вкусные вещи и пироги, приготовленные ко дню рождения, остались нетронутыми. Так для меня началась Февральская революция.

На другой день в школах не было занятий. Детей старались не выпускать на улицы, всюду шла стрельба. Особенно опасны были чердаки, где засели полицейские с пулеметами, обстреливая идущих по улицам.

Были организованы приемные пункты для раненых.

Моя мать была врачом, хирургом. Целую неделю она не приходила домой, оказывая помощь раненым рабочим и солдатам, боровшимся за революцию.

С отцом я говорила только по телефону, время от времени он давал распоряжения, чаще всего такие: «Всю имеющуюся в доме еду отнесите на питательные пункты». Ходить было крайне опасно, но мы с няней, нагрузившись едой, перебегая

Из сборника „Незабываемое“, который выходит в издательстве „Детская литература“

от двора к двору, разносили ее по указанным адресам и были счастливы, чувствуя, что мы тоже что-то делаем для революции.

После крушения царского режима и образования Временного правительства среди большевиков постоянно можно было слышать разговоры о том, что «вот Ленина-то нет», «как-то Ленин в Швейцарии все это переживает», «как всем необходим сейчас Ленин», «когда Ленин приедет?», «скоро ли он будет здесь?»

Естественно, мне, подростку, не была известна вся суть дела, но мы, дети большевиков, знали, что есть на свете Владимир Ильич и самое важное, чтобы он скорее был здесь с нами.

Однажды мама пришла домой взволнованная. Оставив портфель в передней, не раздеваясь, она тут же направилась к выходу. Я спросила, почему она не обедает.

— Бегу встречать Ильича! — бросила мама на ходу и быстро ушла.

Так я узнала о приезде Ленина в Петроград.

Вскоре после своего возвращения, в апреле, Владимир Ильич пришел к нам. Я в это время была в школе. Знаю только, что после посещения могилы своей матери Марии Александровны, похороненной на Волковом кладбище, Владимир Ильич с Марией Ильиничной заезжали к моим родителям.

Во второй раз, когда мы ждали Владимира Ильича, внезапно во всем районе погас свет. Мы заволновались. Найдет ли Ленин нашу квартиру в темноте, не ошибется ли этажом? Но вот в дверь постучали, и я бросилась открывать ее. В это время в Петрограде было неспокойно, а потому двери открывали через цепочку. Приоткрыв, я увидела улыбающееся лицо Владимира Ильича и услышала его тихий голос: «Лелечка, это я». За ним стояла Мария Ильинична. Как хорошо! Владимир Ильич сразу нашел нашу квартиру.

На столе в столовой уже кипел самовар, стоял традиционный пирог и винегрет. Няня принесла глиняный горшок, поставила его посередине стола кверху дном, а на него баночку со свечкой. Вот при таком «веселом» освещении и пили чай. На этой встрече присутствовала Груша Круглова, работница завода «Промет», большевичка, которая в нелегальное время вела партийную работу под руководством моей матери. Груша впервые познакомилась здесь с Владимиром Ильичом.

Он был весел, оживлен, а «таинственность» обстановки придавала особую прелесть встрече.

Июнь 1917 года

Летом 1917 года наша семья жила на даче в Финляндии, возле станции Мустамяки, в деревне Нейвола. Там жили тогда Алексей Максимович Горький и Демьян Бедный.

В июне мои родители и другие товарищи уговаривали безмерно утомленного Владимира Ильича хоть на несколько дней поехать отдохнуть к нам на дачу. Как всегда, дел у Владимира Ильича было много, и отдых все откладывался.

В последних числах июня он все же собрался и неожиданно приехал вместе с Марией Ильиничной.

Сначала заглянул к Демьяну Бедному, который и привел к нам дорогого гостя.

Владимир Ильич был крайне переутомлен, страдал головными болями и бессонницей.

Дача у нас была простая — деревянный крестьянский сруб — но удобная. Второй этаж имел две отдельные комнаты и среднюю проходную, вход в которую был прямо с лестницы. Из этой комнаты был выход на маленький открытый балкончик. Мебель простая, как и во всех других

комнатах, но достаточно удобная для отдыха. Электричества, конечно, не было, пользовались керосиновыми лампами.

Ленина с сестрой поселили на втором этаже, чтобы никто его не беспокоил. Владимир Ильич был очень деликатным человеком и не любил нарушать привычную жизнь товарищей. В отдельном помещении, где больше никого не было, он чувствовал себя свободнее. На маленьком балкончике поставили стол, чтобы Владимир Ильич мог, если захочет, заниматься на воздухе. Очень ему нравился этот балкончик.

Меня предупредили, чтобы я не шумела, к Владимиру Ильичу сама не ходила и охраняла его покой, что я и старалась выполнять.

Владимиру Ильичу очень нравилось на даче. Он много гулял, лежал подолгу на траве, ходил с моим отцом купаться на озеро Ваммельярви, расположенное в двух километрах от дачи. Озеро это — большое, красивое, окруженное лесами, очень глубокое.

Владимир Ильич, волжанин по рождению, великолепно плавал и заплывал очень далеко и часто нырял. Отец мой совсем не плавал. У него после скарлатины в детстве было повреждено ухо, и в воде он сразу терял равновесие. Зато отец очень хорошо греб на лодке.

Сколько волнений было связано всегда с купаньем Владимира Ильича! Вдруг плохо себя почувствует далеко от берега? И никого нет, кто бы сопровождал его в этих заплывах!

Владимир Ильич только смеялся над нашими страхами и чувствовал себя в озере, как рыба в воде.

Но отец все же придумал, как обезопасить это купанье. Он нанял лодку и держал ее тайно от Владимира Ильича в кустах. Кроме того, у нас была сильная большая собака Рекс, помесь водолаза с сенбернаром. Рекс был очень предан моему отцу и прекрасно плавал. Папа посылал Рекса купаться вместе с Владимиром Ильичом. Уж если что случится, Рекс-то спасет, вытащит откуда угодно и чужого не подпустит.

Кроме Рекса, на даче жил большущий черный кот Васька. С Рексом они были большие друзья и ели из одной чашки.

Владимир Ильич очень любил животных и умел их дрессировать. Кота Ваську научил прыгать через обруч и проделывать различные другие фокусы.

С нами, ребятами, Владимир Ильич играл на лугу в мяч. Нравилось ему вечерами сидеть за чайным столом на балконе, нравилась тишина в природе.

Великолепный финляндский воздух действовал живительно. Владимир Ильич начал спать, прошли головные боли.

3-го или 4-го (точно не помню) июля, в 6 часов утра, нас разбудил неожиданно приехавший из Петрограда Макс Савельев, большевик, старый товарищ моих родителей.

Что-то случилось?!

Савельев рассказал отцу о тревожном настроении в Петрограде, о начавшихся неорганизованных выступлениях рабочих, о травле большевиков сторонниками Временного правительства. Отец разбудил Владимира Ильича, и после рассказа обо всех событиях решено было срочно уезжать в Петроград. Собрались быстро, не позавтракав, уехали все вместе — Владимир Ильич, Мария Ильинична, мои родители и Макс Савельев. Надо было обеспечить спокойное возвращение Ленина в Петроград.

Мы остались на даче вдвоем с няней. В эти дни события развивались со страшной быстротой. Ленина искали, хотели арестовать. Ему надо было срочно уходить в подполье.

Однажды утром к нам на дачу явились юнкера и казаки. Оказалось, что они оцепили все деревни, расположенные вокруг.

Алексей Максимович Горький уехал из Мустаяк еще за две недели до появления юнкеров. Дача, которую он снимал, была большая. Юнкера, видимо, не отличались особой храбростью. Они решили, что здесь им окажут сильное сопротивление, на пустую дачу был направлен пулемет. Так стояли они несколько дней. Нашу же дачу юнкера обыскали, штыками искололи всю солому в яме, где хранилась картошка, думая, очевидно, что там спрятался Ленин, но, конечно, никого не нашли.

Целую неделю они не покидали нашу местность, и стоило, например, кому-нибудь из нас выйти на дорогу, как немедленно за нами шла «тень». Юнкера думали, что мы связаны как-то с Лениным, и надеялись обнаружить эту связь.

Я нарочно обманывала юнкеров, неожиданно скрываясь на каком-нибудь повороте дороги, уходя в лес.

В конце концов юнкера, убедившись в бесполезности своего пребывания, избавили нас от своего присутствия.

Октябрьская революция

Можно сказать, что Октябрьская революция проходила организованно. На улицах стреляли мало, даже школы не прекращали занятий.

Вскоре стало известно, что Зимний дворец взят, министры-капиталисты арестованы и власть перешла к большевикам. Несмотря на всю сложность и трудность политической обстановки, все происходившее казалось нам, детям, совершенно естественным.

Вечером 25 октября меня уложили спать в маминой комнате. Поздно ночью я проснулась от шума в передней. Пришли мои родители с Владимиром Ильичом и Надеждой Константиновной. В столовой еще долго горел свет, слышались разговоры.

Владимир Ильич провел ночь в комнате моего отца, а Надежда Константиновна уснула на моей постели. В эту ночь Владимир Ильич написал декрет о земле. Утром во время завтрака он прочел его нам вслух и поздравил всех нас с победой социалистической революции.

До того, как Владимир Ильич и Надежда Константиновна стали жить в Смольном, они неоднократно приезжали к нам ночевать.

Март 1918 года

В середине марта 1918 года состоялся переезд советского правительства из Петрограда в Москву. Обстановка была беспокойная.

Многие солдаты и матросы возвращались с фронтов империалистической войны, другие ехали на фронт начавшейся гражданской войны. Вся страна пришла в движение, в волнение. Наступал голод, что особенно чувствовалось в Петрограде.

Организация переезда правительства была поручена моему отцу Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу.

Приходилось соблюдать большую осторожность. Правительственный поезд отправлялся с Цветочной платформы Октябрьской железной дороги (бывшей Николаевской), — ночью, в темноте. Наш состав должен был идти вторым, между двумя поездами, отправлявшимися с сотрудниками и имуществом аппарата Совнаркома с бывшего Николаевского вокзала.

Отъезжали без гудков и свистков, в полной тишине. Латышские стрелки из Смольного охраняли поезд.

В вагоне, в котором ехали Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична, собирались их ближайшие товарищи, пили чай, вели разговоры.

На рассвете мы остановились на станции Малая Вишера. Рядом стоял поезд с матросами. Некоторые были анархически настроены и пытались помешать движению нашего поезда.

Михаил Дмитриевич Цыганков, сотрудник и помощник Владимира Дмитриевича, сам бывший моряк, вместе с отцом уняли расхаживавших матросов, убедили их вернуться в теплушки. Инцидент был улажен, мы миновали Малую Вишеру. Большинство находившихся в нашем поезде спали и не знали об этом происшествии, даже Демьян Бедный, ехавший с нами в одном купе.

Приехали в Москву, и с вокзала нас на открытых машинах развезли в приготовленные Московским Советом помещения.

Как сейчас помню эту лунную ночь, безлюдную Москву, удивившую нас своим необычным видом стену Китай-города, мимо которой мы проезжали.

Что-то ждет нас в Москве? Как устроится здесь жизнь? Где я буду учиться? — ведь год прерван в связи с переездом.

Владимир Ильич с Надеждой Константиновной временно поселились в гостинице «Националь», во втором этаже, в номере 107.

Мы тоже поселились в этой же гостинице.

Москва 1918 года

Москва поразила нас, питерцев, обилием солнца и зелени.

Днем на улицах былолюдно и шумно. Охотный ряд еще всю торговал всяческими продуктами. В Петрограде было голоднее и все как-то строже, сдержаннее.

Началась уборка Кремля, приведение в порядок его имущества, перепись ценностей, подготовка нового помещения ВЦИКа и Совнаркома, расселение приехавших по квартирам.

Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Мария Ильинична из «Националя» переехали в Кремль, сначала в так называемый «Кавалерский корпус». Через несколько дней для них была приготовлена квартира в бывшем Доме Судебных Установлений, на третьем этаже, рядом с помещением Совета Народных Комиссаров.

Хозяйство у них вела домашняя работница Саша, очень хорошая, добрая и внимательная женщина.

Несмотря на свою огромную занятость, Владимир Ильич иногда прогуливался по Кремлю и нет-нет да и заглядывал неожиданно к кому-нибудь из товарищей. Помню, папа пришел после очень напряженного дня домой. Ему что-то не здоровилось. Он не стал обедать и лег немного отдохнуть. Раздался звонок. Открываю дверь — Владимир Ильич. Я бегом к папе. «Вставай, Владимир Ильич пришел!» Папа тут же поднялся и был смущен: он отдыхает, а Ленин на ногах.

Лето 1918 года

Летом 1918 года мы вместе с Владимиром Ильичом и Надеждой Константиновной жили в Тарасовке под Москвой в бывшем имении доктора Соловьева «Мальцебродово».

Поселиться там посоветовал старый товарищ Владимира Ильича и моих родителей Иван Иванович Скворцов-Степанов. Он был ранее знаком с Соловьевым и сам летом 1918 года жил в одном домике этого имения.

Дом, где мы поселились, был двухэтажный, внутри разделенный капитальной стеной. В левой половине, если смотреть с фасада, наверху жили Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, а в правой, тоже наверху, мы.

Внизу жила семья М. Д. Цыганкова, коменданта здания ВЦИКа и Совнаркома в Кремле. Ему была поручена организация охраны Влади-

мира Ильича. Вся охрана состояла из трех стрелков, живших на первом этаже дома, на половине Владимира Ильича.

Обстановка комнат, где жил Ленин, была самая скромная. Простые кровати, стол для занятий, комод, стулья и, кажется, плетеное кресло. Никто не обращал внимания на вещи. Все были заняты работой.

Лето стояло жаркое, и наша общая столовая располагалась на площадке под лестницей на первом этаже, где было прохладнее. Меблировка состояла из покрытого скатертью стола, деревянных стульев и табуреток. Завтракали, обедали и ужинали вместе. Готовила наша няня. Владимир Ильич ее уважал и любил с нею разговаривать, так как она, не стесняясь, рассказывала ему свои впечатления о жизни. Няня Ульяна Александровна Воробьева жила у нас с 1905 года до своей смерти в 1940 году.

За столом всегда велись оживленные разговоры, решались многие вопросы. Часто приходил к чаю Иван Иванович Скворцов-Степанов. Чай пили из самовара. Было уютно, легко и дружно. Хозяйничала обычно мама.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна очень дружили с моей матерью, Верой Михайловной. Эта дружба началась еще в Женеве в начале девятисотых годов и продолжалась до последних лет ее жизни.

Отдыхая в Тарасовке, Владимир Ильич, хоть и встречался с товарищами, но больше всего любил уходить в лес один.

Уйдет, заляжет где-нибудь в траве и нет его. А кругом — лес, заросшие земляничкой поляны. Начинаются волнения, поиски: пропал Владимир Ильич! А он ужасно не любил, чтобы за ним кто-то наблюдал, охранял его. Хотелось ему побыть одному.

Тут выручала моя собака Нелька, фокстерьер, очень веселый и ласковый пес. Нелька вечно увязывалась за Владимиром Ильичом, поразительно его слушалась. Какие только штуки не выделывала она по команде Владимира Ильича! И поноску носила, и на задние лапы становилась, и здоровалась, давая лапку, и через веревочку прыгала. И когда «терялся» Владимир Ильич, мы звали Нельку, которая на мой зов откуда-то появлялась. Она приводила нас к месту, где находился Владимир Ильич.

В 1919 году Владимир Ильич приезжал в течение лета еще два, но лето было сырое, комары заедали. Надежда Константиновна заболела малярией, и поездки в Тарасовку прекратились.

В 1920 году на месте этого имения, по предложению Владимира Ильича, был создан совхоз, названный «Лесные поляны». Создателем, организатором и первым директором этого совхоза был мой отец.

Август 1918 года

Вторая половина дня 30 августа. Телефонный звонок по коммутатору. Слышим взволнованный голос Анны Петровны Кизас, работавшей в аппарате Совета Народных Комиссаров.

— Леля, скажи папе, чтобы срочно шел в Совнарком. Случилось большое несчастье. Ранен Владимир Ильич!

Зову отца. Ничего больше не спрашивая, он бегом направляется в Совнарком, на ходу приказав мне не отходить от телефона.

Жду.

Снова Анна Петровна: «Леля, принеси йод, бинты и вату». (У мамы имелся специальный шкаф с медикаментами). Кремлевской больницы тогда еще не было. Бегу в квартиру Владимира Ильича. У охраны на лестнице строгие лица. Все понимают, что случилось что-то страшное.

Передаю требуемое и возвращаюсь домой по черной лестнице, это ближе. Войдя в квартиру, на другом конце коридора вижу маму, только

что вошедшую с портфелем в руках. Кричу ей: «Мама, Владимир Ильич ранен!»

Ни слова не говоря, мама поворачивается и стремительно идет в Совнарком. Я снова у телефона.

Звонок: «Леля, принеси шприц и морфий».

Бегу и несу то, что требуется для Владимира Ильича. И еще были звонки и звонки, и так до глубокой ночи.

Вся первая половина сентября прошла в сплошном напряжении.

Поправляется ли? Нет ли осложнений? Возвращаются ли силы?

И вот, наконец, поправился. Вышел на заседание Совнаркома.

Еще до ранения Владимира Ильича моя мать говорила с ним о помощи голодающим детям, о выделении для этого пятидесяти миллионов рублей. Когда Владимир Ильич поправился, он сказал ей: «Вера Михайловна, ставьте вопрос о детях на первом же заседании Совнаркома. Я вас поддержу».

В конце сентября вопрос этот был поставлен, но мать накануне заболела «испанкой». Несмотря на все уговоры, с температурой сорок она пошла на заседание Совнаркома. Субсидию детям дали. Много было споров, каким детям оказывать помощь, — только ли пролетарским или всем голодающим. Вера Михайловна считала, что «не может быть отверженных детей». Владимир Ильич с ней согласился и поддержал ее.

А через несколько дней она умерла. Ленин в эти дни был в Горках. Не знаю, кто ему сообщил о смерти моей матери.

Письмо Владимира Ильича и Надежды Константиновны от 1 октября 1918 года полно глубокой грусти.

«1/X 1918.

Дорогой Владимир Дмитриевич! Только сегодня утром мне передали ужасную вещь. Я не могу поехать в Москву, но хотя бы в письме хочется позвать Вам крепко, крепко руку, чтобы выразить любовь мою и всех нас к В. М., поддержать Вас хоть немного, поскольку это может сделать человек, в Вашем ужасном горе. Заботьтесь хорошенько о здоровье дочери. Еще раз крепко, крепко жму руку. Ваш В. Ленин».

Дальше идет приписка Надежды Константиновны:

«Дорогие Владимир Дмитриевич и Леленька, не знаю, что и сказать. Берегите друг друга.

Крепко, крепко жму руку.

Как-то ужасно трудно верится.

Ваша Н. К. Ульянова».

1919 год — апрель

15 апреля 1919 года. Съезд Союза учащихся-коммунистов.

Заседания съезда проходили в Малом Харитоньевском переулке, дом 4 (теперь здание Отделения технических наук Академии наук СССР). Я не была делегатом, но многие члены московской организации Союза учащихся-коммунистов были на съезде, среди них и я.

И вот во время одного из заседаний вдруг пришел Владимир Ильич. При всей своей занятости он нашел время приехать.

Он призвал молодежь учиться, учиться и учиться.

Я не помню сейчас подробно его слов. Но то, что он присутствовал на съезде, разговаривал с нами — это было такое большое, такое важное, что осталось на всю жизнь в душе каждого из нас.

Ленин говорил недолго. Сначала тишина, потом буря аплодисментов, счастливые глаза... Владимир Ильич спустился с трибуны, чтобы пройти к выходу. Все участники съезда бросились провожать его к машине.

После съезда Союз учащихся-коммунистов был принят в состав Российского Коммунистического союза молодежи.

МУЖСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

ПОВЕСТЬ

Борис Никольский

Рисунки Н. Кустова

1.

Лица солдата Димка не видел.

Но уже в тот момент, когда только возникла в бинокле эта бегущая фигура, когда рядом с Димкой кто-то прокричал: «Прекратите огонь! На стрельбище люди!», Димка уже знал — это Лебедев.

Понадобилось еще некоторое время, чтобы команда дошла до огневого рубежа, автоматы продолжали стрелять, и за эти несколько секунд солдат там, на склоне холма, добежал до двух маленьких фигурок, толкнул их на землю и сам упал рядом с ними...

Димка оторвал глаза от бинокля.

Он увидел отца, который бежал к вышке, увидел молоденького лейтенанта, командира взвода, который бежал от вышки, услышал, как последний раз коротко стукнула и оборвалась автоматная очередь.

Солдаты, еще минутой назад спокойно сидевшие в тени вышки, вскочили и взволнованно переговаривались между собой.

Все смотрели в ту сторону, где кончалось стрельбище, где в траве, не поднимая головы, лежал Лебедев...

2.

Лебедев был первым солдатом, с которым познакомился Димка.

Два месяца назад Димка с матерью приехали сюда, к отцу, и поселились в трехэтажном кирпичном доме на самом краю военного городка. Этот дом сразу понравился Димке, потому что не имел обычного городского адреса, а назывался ДОС № 3, что в переводе на нормальный язык означало «дом офицерского состава». Прямо возле дома были вкопаны турник и брусня — пожалуйста, подходи, занимайся, сколько угодно укрепляй свои мускулы, — а сразу за забором начинался лес.

Утром, когда Димка завтракал, вдруг где-то совсем рядом заиграл оркестр и тут же затих, а кто-то хором прокричал: «Ра-ра-ра!» Оказывается, это солдаты здоровались с командиром полка.

В тот же день Димка обежал весь военный городок и очень быстро успел убедиться, что всюду, где поинтереснее, стоят часовые. Чуть только подойдешь поближе, сразу: «Принять правее! Принять левее!» Суровая серьезность часовых понравилась Димке. А может быть, просто у него было такое настроение, что все ему нравилось. Радовался оттого, что опять они будут жить вместе с папой.

Заглянул Димка и в казарму. Обычно, когда мама сердилась, она говорила: «Не топай, здесь тебе не казарма...» — это Димке. Или: «Привык у себя в казарме...» — это отцу. «Не превращайте дом в казарму...» — это отцу и Димке, обоим. Хуже, ругательнее слова, чем «казарма», у нее, пожалуй, и не было.

А казарма оказалась чистой, светлой и просторной. В казарме никого не было, только возле тумбочки с телефоном стоял солдат с красной повязкой — дневальный. Он спросил Димку:

— Вы к кому?

Димка смутился и ничего не ответил. Если бы он пришел с отцом, тогда бы дневальный вытянулся и отдал честь. Или бы даже крикнул: «Рота, смирно!» А так, конечно, откуда ему знать, что Димка — сын капитана Толмазова.

Из казармы Димка пошел домой.

Он шел по тропинке вдоль забора и очень удивился, когда кто-то его позвал:

— Мальчик, а мальчик!

Он даже не сразу понял, откуда прозвучал этот голос, и только потом увидел: одна доска в заборе была отодвинута. Сквозь широкую щель на Димку смотрела круглолицая, курносая девушка. Она улыбалась Димке, как хорошо знакомому. Наверное, спутала его с кем-нибудь другим.

— Мальчик, ты Лебедева знаешь?

— Какого Лебедева?

— Ну, солдат такой. Лебедев.

Димка пожал плечами. Почему это он должен был знать какого-то Лебедева?

— Неужели не знаешь? Лебедева здесь все знают.

Она разговаривала с ним так, словно это он, а не она, находился по ту сторону забора.

Димка рассердился и ничего не ответил.

«Зачем ей этот Лебедев? — думал он. — И почему его все знают?»

Очень скоро Димка убедился, что девушка была права.

После обеда он отправился в бассейн — там солдаты учились плавать прямо в гимнастерках и галифе, в сапогах и с автоматами. Это было нелегкое дело. Димка видел, как тяжело дышали солдаты, выбираясь на берег. А неко-

торые доплывали только до середины и хватались за веревку, натянутую над водой.

Потом один солдат утопил сапог, и тогда все остальные принялись по очереди нырять за ним. А два солдата забрались на вышку и оттуда сверху высматривали сапог.

Рядом с Димкой остановился белообрый пацан с облупившимся носом.

— А Лебедев вчера с самой верхотуры прыгнул, — сказал он. — Оттуда никому не разрешают прыгать.

— А Лебедеву разрешили? — спросил Димка.

— Не, — сказал пацан и, немного подумав, добавил:

— Его теперь на губу посадят.

Димка прищурился и прикинул на глаз расстояние до верхнего трамплина вышки. Метров семь... Или десять? Высоко...

Сам он никогда не нырял с вышки. Не потому, что боялся. А просто не приходилось.

Димка хотел поподробнее расспросить пацана о Лебедеве, но пацан уже подбирался к воде, пользуясь тем, что солдат, дежурный по бассейну, вместе со всеми занялся охотой за утонувшим сапогом.

И еще раз в этот день услышал Димка о Лебедеве.

Вечером он играл с отцом в шахматы, ког-

— Да, да, я все это знаю. Старшина назначил Лебедева в наряд, потому что подошла его очередь. И заменять его мы не будем. Пожалуйста, пусть тренируется сколько угодно в свободное время. И не повышайте голоса, Сергей Николаевич, а то мне после разговора с вами придется вызывать телефонного мастера... Что? Пожалуйста. Хоть командиру дивизии.

— Папа, кто это Лебедев? — спросил Димка.

— Солдат в моей роте, — ответил отец. — Так чей сейчас ход?

Но Димку уже меньше всего занимали шахматы. Его занимал Лебедев. Что же это за солдат такой, которым интересуются девушки, восторгаются пацаны, из-за которого спорят между собой командиры? Кто он такой?

Димка был уверен, что узнает теперь Лебедева сразу — стоит им только встретиться. Как можно не узнать человека, о котором столько говорят. А встретить его Димка, конечно, встретит — не очень-то много разных дорог в военном городке: от казармы к столовой, от столовой к учебному корпусу, от учебного корпуса к клубу. И опять к казарме. Наверняка где-нибудь попадется Лебедев навстречу.

И правда — вскоре они столкнулись. Только случилось это не совсем так, как предполагал Димка.

да вдруг раздался телефонный звонок. Отец поднял трубку — он еще не успел поднести ее к уху, а в трубке кто-то уже заговорил и так быстро и возмущенно, что задребезжала мембрана.

Отец сначала терпеливо слушал, а потом сказал:

Прошлым летом, когда он еще жил с мамой у бабушки, Димка ходил в городской пионерский лагерь. Конечно, лагерь этот только назывался лагерем, а на самом деле не было в нем ничего лагерного — ни палаток, ни костров, ни линейек. Просто ребята собирались утром возле школы, завтракали в школьной столовой, а по-

том отправлялись или в кино, или на детский утренник, или в зоопарк, или в какой-нибудь музей. Они всегда торопились, потому что за день чаще всего надо было попасть и в кино, и в музей, и на спортплощадку. Пионервожатая Аэлита Сергеевна говорила: «Ребята, у нас опять очень насыщенный день». Пребывание в лагере не оставило существенного следа в Димкиной жизни, но это выражение так и застряло в памяти.

И вот теперь у Димки опять были насыщенные дни. Он боялся пропустить что-нибудь интересное. Как строится полк на утренний развод, как сменяются часовые, как строевым шагом маршируют роты — все надо было успеть посмотреть.

В тот день Димка опоздал — прибежал к парашютной вышке, а занятия уже кончаются. Только два прыжка и застал. Надо было сразу с утра сюда мчаться, а он проторчал на полосу препятствий.

А теперь лейтенант построил свой взвод и — шагом марш мимо Димки. Оставил только одного солдата — навести порядок у вышки: подмести, разровнять площадку. Солдат был невысокий, с ежиком на голове, с лицом густо усыпанным веснушками.

Он посмотрел на Димку и сказал:

— Ну что, небось прыгнуть хочешь?

— Хочу, — сказал Димка.

В центральном парке, в городе, где они жили раньше, тоже была парашютная вышка, похожая на эту. Димка всегда приставал к маме — упраскивал, чтобы она разрешила ему прыгнуть. А мама не разрешала. «Хватит с меня, что твой отец прыгает», — говорила она.

— А не испугаешься? — спросил солдат.

Димка мотнул головой:

— Не испугаюсь.

— Ну, тогда полезли.

— Правда? — удивился Димка. Он был уверен, что солдат шутит. Взрослые почему-то очень любят так шутить.

— Кто тебя учил не доверять людям? — строго спросил солдат. — Школа? Пионерская организация? Или, может быть, этому тебя учили родители?

Димка нерешительно засмеялся. Он не знал, как вести себя с этим солдатом. А солдат тем временем уверенно, по-хозяйски, словно он и был здесь главным начальником, направился к вышке и полез вверх по лестнице.

И Димка полез вслед за ним.

На боку у солдата болтался противогаз. На деревянной бирке, пришитой к противогазной сумке, Димка увидел надпись. Чернильным карандашом было выведено: «Рядовой Лебедев».

«Вот это да!» — подумал Димка. И как это он сразу не догадался!

— А я знаю: вы — Лебедев, — сказал он.

— Нет, я Курицын, — сказал солдат. — А откуда ты узнал?

Димка показал подбородком на деревянную бирку.

— Ого! У тебя задатки Шерлока Холмса, — сказал Лебедев. — С тобой опасно иметь дело.

Наверху, на вышке, дул ветер. Димка пожегил. Снизу вышка не казалась такой высокой.

— Ну как? Еще не раздумал? — спросил Лебедев.

Может быть, он нарочно заманил сюда Димку — для забавы? Чтобы посмеяться над ним?

— Нет, — сказал Димка. — Не раздумал.

Лебедев быстро и ловко опутал Димку ремнями.

— Готово, — сказал он.

Димка подошел к краю и взглянул вниз. У него сразу ослабли ноги. Казалось, еще секунда — и он свалится. Ему захотелось лечь и прижаться к доскам. Он быстро шагнул назад.

Здесь, на вышке, был другой человек, а совсем не тот Димка, который только что лез по лестнице. И поступал он совсем не так, как собирался поступить Димка. И даже голос у него был другой, не Димкин.

Снизу, когда он смотрел, как прыгают солдаты, все казалось совсем просто. Залез, пристегнул парашют, прыгнул. Он даже не думал, что это так страшно.

— Когда будешь приземляться, — сказал Лебедев, — не забудь плотнее сжать ноги.

«Приземляться!» Димка уже знал, что ни за что не решится прыгнуть. И в то же время он готов был скорее просидеть здесь до завтра, чем на глазах у Лебедева, на глазах у маленьких пацанят, торчавших там, внизу — откуда они только взялись? — спуститься по лестнице назад.

Димка не смотрел на Лебедева. Он делал вид, что поправляет лямки. Если бы он очутился опять там, внизу! И зачем только он полез на эту вышку?

Сегодня же о его позоре узнает весь гарнизон.

Теперь он мог надеяться только на чудо.

И чудо случилось.

Димка поднял глаза и далеко внизу, на асфальтированной дорожке, среди кустов, увидел отца. Отец стремительно шел, почти бежал к вышке.

— Влипли! — сказал Лебедев. — Этого мне только не хватало!

Он повертел головой, словно прикидывая,

куда бы скрыться. Но куда скроешься — на вышке?

А Димка сразу повеселел. Он не думал сейчас о том, что ему тоже не поздоровится, что отец наверняка рассердится, может быть, даже вцепит подзатыльник тут же, при Лебедеве. Пусть! Зато никто не узнает, что Димка струсил.

А что — еще неизвестно — может быть, он бы и прыгнул, если бы не отец. Вот постоял бы, постоял и прыгнул...

Отец остановился и запрокинул голову. Пацанята сразу окружили его.

— Ну что ж ты — прыгай! — крикнул отец. — Раз залез — так прыгай!

Он шутит! Лебедев, он же шутит!

Отец еще что-то показывал жестами, что-то кричал, но Димка ничего не слышал.

Лебедев уже подталкивал Димку к краю и твердил в самое ухо:

— Прыгай! Прыгай!

Потом Димка уже не мог вспомнить — сам он сделал последний шаг или толкнул его Лебедев, только он вдруг полетел вниз, в темноту. Дыхание зашлось у него, как заходится, когда ухнешь неожиданно в холодную воду. Тут же его дернуло, движение замедлилось, и тогда Димка сообразил, что темно вокруг оттого, что летит он с зажмуренными глазами. Он открыл глаза. Земля плавно и очень медленно, чуть наискосок, надвигалась на него, а сам он покачивался под белым куполом.

Как легко, как весело вдруг сделалось Димке! Даже сердитое лицо отца, которое все приближалось, нисколько не пугало его.

Он прыгнул! Прыгнул!

На земле отец молча помог Димке отстегнуть парашют, помог отряхнуть пыль с брюк. А Димка был не в силах удержаться — губы его так и растягивались в улыбке.

— Пошли, — сказал отец и жестко взял Димку за руку. Потом повернулся к Лебедеву, который уже успел спуститься с вышки.

— С вами, Лебедев, я поговорю после. Вы у меня посамовольничаете. — Он сказал это отдельно и тихо. Такая у него была манера. Когда Димкин отец сердился, он не кричал. Он начинал говорить совсем тихо.

Лебедев выслушал слова отца, покорно понырять, но когда тот отвернулся, неожиданно весело подмигнул Димке. То ли он думал, что отец лишь пригрозит да забудет, то ли уже привык к наказаниям. И Димка тоже подмигнул ему в ответ.

Они пошли к дому. Отец все молчал, и Димка знал, что это не предвещает ничего хорошего, но все равно радость распирала его. Встречные солдаты с интересом посматривали

на Димку. Может быть, они видели, как Димка прыгнул с вышки. Солдаты чуть замедляли шаг и четко вскидывали руку к пилотке. Наверно, им нравилось отдавать честь Димкиному отцу. Нравилось, что у них такой командир. А еще, может быть, нравилось, что у их командира такой сын...

3.

Димка чувствовал, как рука, которая сжимала его запястье, то слабела, становилась мягче, то вдруг снова твердела. Видимо, отец то переставал сердиться или просто начинал думать о чем-то другом, «отключаться», как говорила в таких случаях мама, то вдруг спохватывался: снова вспоминал о Димке, о Лебедеве, о парашютной вышке.

Он все молчал, и Димка тоже не решался заговорить первым.

Димка давно не видел отца таким сердитым. Он даже не знал толком, каким бывает отец, когда сильно рассердится. Вот мама, когда сердится, она сначала кричит, потом плачет и жалуется, что зря потратила на Димку всю свою молодость. Бабушка — та не плачет, бабушка, когда сердится, рассказывает поучительные случаи из своей жизни и ставит себя в пример. И еще бабушка всегда повторяет, что Димке не хватает мужского воспитания.

Теперь, шагая рядом с отцом, Димка ждал, когда же начнется это мужское воспитание. Ему совсем не было страшно, ему было только любопытно.

Однажды в школе, где учился Димка, задали на дом написать сочинение о родителях. Даже обещали, что лучшее сочинение будет напечатано в «Пионерской правде». Димка решил писать об отце. Он всегда гордился тем, что его отец — десантник. Разные отцы были у ребят из их класса. Были врачи, инженеры, шоферы. Был даже один артист кукольного театра. А вот десантников больше не было. И поэтому мальчишки завидовали Димке.

На первой странице он вывел крупными буквами: «МОЙ ОТЕЦ». Потом подумал и написал: «Мой отец — офицер. Он командует солдатами. Солдаты любят своего командира».

Он поставил точку и задумался. Он не знал, что писать дальше.

Давно, когда Димка был совсем маленьким, они жили вместе с отцом в далеком гарнизоне, в Забайкалье. Почему-то Димке запомнилось: солдаты возле казармы набивают матрасы соломой. Матрасы получаются круглые, неуклюжие, словно огромные колбасы. Солдаты плашмя падают на них, подпрыгивают и хохочут. И Димка тоже прыгает на колючем матрасе и хохочет. Но разве об этом напишешь в сочинении?

Потом отца послали служить на юг, в пустыню, а Димка с мамой поехали к бабушке. Мама училась тогда в заочном институте, сдавала экзамены, а Димке пора было в школу.

Отец приезжал в отпуск загорелый и обветренный. Димке нравилось, что отец служит в суровых, пустынных краях. И не нравилось, когда отец переодевался в гражданский костюм. Будь Димка военным, он бы никогда не стал снимать форму. О своей службе отец почти не рассказывал, говорил только: «Песку много. Заносит. А так все в порядке. Нормально».

Димка в задумчивости покусывал ручку, стараясь вспомнить что-нибудь такое, о чем бы стоило написать. Потом написал:

«Мой отец смелый. Он не раз прыгал с парашютом».

Вот тут хорошо было бы рассказать о каком-нибудь особенном случае — бывают такие случаи, Димка сам читал. Вдруг парашют не раскроется и солдат спасает своего командира — подхватывает на лету и они вдвоем приземляются на одном парашюте. Но с его отцом никогда не происходило ничего подобного. Да если бы и произошло, он бы, наверно, ни за что не рассказал — чтобы мама не волновалась.

Когда Димка садился за сочинение, ему казалось — целую тетрадь напишет. А теперь ничего не получалось. Димка вздохнул.

— Ну-ка, покажи, что ты пишешь, — сказала бабушка.

Димка покраснел и прикрыл страницу рукой.

Бабушка рассердилась:

— Скрытный, весь в мать...

Удивительно — Димка давно замечал, что бабушка больше любит его отца, чем маму, хотя мама — ее родная дочь, а отец — никто. Бабушка считала, что мама обязательно должна поехать к отцу в пустыню. Вообще, Димкина бабушка не похожа на других бабушек: она ходит на лыжах, играет в шахматы и любит петь арию Кончака из оперы композитора Бородина «Князь Игорь». Вернее, не всю арию, а только одну фразу: «Что ты, князь, придумался?..»

Димка подождал, пока бабушка отошла, и вывел: «Раньше мой отец служил на юге. Там было очень жарко и много песка. А теперь папу перевели. И скоро мы поедem к нему».

Сочинение получилось очень коротким, но все равно учительница поставила за него четверку. А в «Пионерской правде» его, конечно, не напечатали.

...Отец совсем отпустил Димкину руку. А потом вдруг снова сжал — да так, что Димка ойкнул.

— Вот что, Дмитрий, — сказал отец, — сегодня из-за тебя получают взыскания два человека — Лебедев и командир взвода. Тебе это нравится?

— Не нравится.

— Вот видишь — не нравится... — сказал отец и спросил неожиданно:

— А страшно было на вышке? Небось колени дрожали? — Он засмеялся. — Для меня, например, хуже не было — прыгать с этой вышки. Лучше с самолета.

— Сначала страшно было. Еще как! — возбужденно заговорил Димка и тут же вспомнил о Лебедеве. Ему показалось, что сейчас самое время попросить за Лебедева.

— Пап, он же не виноват...

— Я сам разберусь, кто виноват, а кто нет, — сказал отец жестко.

Навстречу им бежал солдат с красной повязкой.

— Товарищ капитан, вас в штаб вызывают! Срочно!

— Хорошо. Иду. А ты, Дмитрий, ступай домой и скажи матери, чтобы сегодня тебя никому не выпускала. Понял?

— Понял, — сказал Димка.

Так и закончилось в этот день мужское воспитание. Димка побежал домой. И по-прежнему было ему легко и весело.

4.

Возле казармы солдаты играли в волейбол. Несколько человек старательно чистили сапоги — готовились идти в увольнение. Остальные сидели в курилке.

Димка поискал среди них Лебедева, но его нигде не было.

— Что? Друга потерял? — спрашивали солдаты. Они уже знали Димку. И как он прыгнул с парашютной вышки, тоже знали.

— А друг твой летает.

— Как летает? — поразился Димка.

— Обыкновенно. На ШВТ. Пойди в казарму — погляди как. Заодно и поможешь другу.

В казарме Лебедев и еще двое солдат, раздетые по пояс, мыли пол. Лебедев увидел Димку, обрадовался, помахал ему мокрой рукой.

— Лебедев, а что это — ШВТ? — спросил Димка.

— Очень просто, — засмеялся Лебедев. — Швабра. Ведро. Тряпка.

— А-а... — разочарованно протянул Димка. — Это за меня вас наказали?

— Не, — сказал Лебедев. — Это за дружеский шарж.

— За шарж?

— Ну да. Слушай, как получилось... — Лебедев хлюпал по полу тряпкой и рассказывал:

— Понимаешь, пришла мне блестящая идея: нарисовать дружеский шарж на нашего старшину. Видал, как в газетах, в журналах иной раз писателей, артистов изображают — обхо- хочешься! Шею, к примеру, нарисуют длинню- щую, а головку маленькую. Или авторучку вместо носа, и чернила капают. А одного — я сам видел — даже голого нарисовали, с фиго- вым листком, как статую. Умрешь со смеху! А наш старшина чем хуже? Нарисую, думаю, его в стенгазете, сделаю человеку приятное. Редактор мою идею одобрил. «Это хорошо, — говорит, — газета живет будет».

Вот и стал я вчера вечером рисовать. Ну, думаю, товарищ старшина, вот когда я вам все наряды вне очереди припомню! Наряд за опоз- дание в строй был? Был. Левое ухо подлиннее сделаем. Наряд за грязный подворотничок был? Был. Правое ухо вытянем. Неувольнение за разговоры в строю было? Было. Получай от- висшую челюсть. Рисовал и сам смеялся — так здорово получалось, честное слово! Даже не заметил, как старшина подошел. У него привычка такая — неслышно подходить. «Это что же, — спрашивает, — такое?» — «Дружес- кий шарж, товарищ старшина», — отвечаю. — «Шарж? Дружеский?» — «Так точно, товарищ старшина. Дружеский». — «Ну, что ж, товарищ Лебедев, — говорит, — за ваш дружеский шарж я вам по-дружески объявляю наряд вне оче- реди...» Так я и погорел. И главное обидно — рисунок старшина конфисковал...

— Но ничего, — бодро сказал Лебедев, — зато теперь я думаю: наверное, и писателям, и артистам совсем не смешно, когда их безо- бразными рисуют. Только терпеть приходится. Потому что у них нет такой власти, как у на- шего старшины.

Лебедев домыл пол, бросил у порога тряпку.

— Сойдет? — спросил он сам себя. И сам себе ответил:

— Сойдет с горчичкой. Ребята, вы тут убе- рите и доложите старшине. Ладно? А я побе- жал на тренировку.

Он обнял Димку за плечи мокрой рукой и сказал:

— Ты, брат, завтра приходи на полигон.

Завтра обкатка танками будет. Любопытно!

Снова Лебедев приглашал Димку так, слов- но он, а не Димкин отец распоряжался и ко- мандовал здесь.

А вот отец даже не сказал ничего про эту самую обкатку. Всегда он так. Что такое об- катка, Димка не знал, но спрашивать у Лебе- дева постеснялся. Все равно — раз танками, значит, интересно.

И в понедельник он увязался за отцом на полигон.

Танк оказался только один. Он мирно стоял в стороне, и возле него возились танкисты в перепачканных комбинезонах. Один лежал под танком и что-то подвинчивал гаечным ключом, а другой протирал стекла смотровых прибо- ров.

Наверно, это был очень старый, немало по- трудившийся танк. Он выглядел скорее серым, чем зеленым, — казалось, пыль нелегких до- рог въелась в него прочно и навсегда.

Пока Димка рассматривал танк и танкистов, отец уже построил роту и что-то объяснял сол- датам. Когда Димка подошел поближе, он услышал:

— Таким образом, товарищи, для хорошо подготовленного бойца танк не так уж стра- шен, как это может показаться с первого взгляда. Нужно только перебороть в себе страх перед танком. И если вам не удалось по- разить танк сразу, тогда что нужно сделать, рядовой Булкин?

— Надо лечь на дно окопа, пропустить танк над собой и затем поразить гранатой его мо- торную часть, — сказал Булкин.

— Совершенно верно. И здесь, товарищи, главную роль играют выдержка, хладнокровие и спокойствие. Вот для того, чтобы в бою у вас не было страха перед танками, мы и про- водим сегодняшнее занятие. А как все это де- лается на практике, вы сейчас посмотрите.

Димкин отец подал сигнал танкистам — за- води! В ту же минуту танк заревел, загрохо- тал, выбрасывая клубы синеватого дыма.

Отец прыгнул в окоп. Теперь Димке была видна только его фуражка.

Танк дернулся, гусеницы его шевельнулись, он двинулся вперед, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Пыль завихрилась во- круг него.

Сколько раз Димка видел такое в кино! Не- мецкий танк — и наши бойцы в окопе. Танк надвигается, увеличивается, разрастается во весь экран.

Вот до окопа осталось пятнадцать метров, десять... пять...

Вот танк подмял под себя бруствер, посы- пался вниз песок.

Танк взревел, задрал нос, на секунду показалось его темное днище. Обрушился на окоп.

Димка ухватился за чей-то рукав.

А танк уже прошел через окоп и остановился, затих. Возле него медленно оседала пыль. И земля тонкими струйками все еще стекала в окоп.

Отряхиваясь, отец вылез наверх. Снял фуражку, похлопал ею о колено.

— Ну вот, видите — ничего страшного со мной не случилось. Теперь вы все проделаете то же самое.

— Товарищ капитан! — выкрикнул Лебедев. — Можно я первый?

— Когда вы, Лебедев, наконец, научитесь правильно обращаться к командиру? — строго сказал Димкин отец. — И потом — почему у вас противогаз расстегнут? Опять пуговицы нет?

— Товарищ капитан...

— Прекратите разговоры. И если еще раз я увижу...

«И что он придирается? — думал Димка. — Подумаешь — пуговица! Как будто на войне будут смотреть, у кого есть пуговица, а у кого нет!»

Димке даже стыдно стало за отца. Неужели

— Назад! — яростно крикнул отец и махнул рукой. — Ложись!

Его голос потонул в грохоте. Солдат юркнул вниз.

Димка хотел засмеяться, но вспомнил вдруг парашютную вышку и не стал смеяться. Вспомнил, как на вышке действовал за него вроде бы совсем другой человек. Так и здесь, наверно. Со стороны посмотреть — ничего страшного. Ложись и лежи себе на дне окопа. А как заберешься сам — еще неизвестно, что почувствуешь.

Зато солдаты вовсю потешались над своим товарищем:

— Проверь, Горохов, штаны-то у тебя сухие?

— Голову, голову потрогай — цела ли?

— Да ну вас, — сердито оправдывался Горохов, — я только посмотреть хотел, далеко ли танк...

К концу занятий от грохота у Димки уже звенело в ушах. Во рту пересохло, хотелось пить, и даже волосы стали жесткими от пыли. Но все-таки он ни за что бы не согласился отправиться домой. Да отец и не беспокоился о нем — раз явился сюда, так уж терпи вместе со всеми.

он сам не понимает? Только все настроение сбил.

... Снова загрохотал танк, снова пополз на окоп, скрежеща гусеницами. Опять пятнадцать метров до бруствера, десять...

И вдруг в последний момент высунулся солдат из окопа. Видно, не выдержал ожидания, испугался, хотел выскочить.

Наступил перекур. Солдаты — кто сел на траву, кто лег — отдыхают. А Лебедев рассказывает:

— Вот в прошлом году на учениях был у нас случай. Мы с дружкой моим, Серегой Башмаковым, профилировали, окопаться как следует не успели, а тут команда: «Танки слева!» Что делать? От танка за кустиком не спрячешься.

А танк жмет прямо на нас. Рядом сосна росла — высоченная. Мы с Серегой на сосну. А как стал танк мимо проходить, мы на него — раз! И смотровые щели плащ-палаткой закрыли. Танк и ослеп. Покрутился, покрутился на месте и все. Что ему делать? Вылезайте, голубчики, приехали. Командир полка нам благодарность объявил — за находчивость.

— Ох, и мастер ты заливать, Лебедев, — сказал Булкин.

— Это почему? — обиделся Лебедев, и веснушки на его лице сразу потемнели. Вообще у него были удивительные веснушки — они могли становиться гуще и реже, могли становиться темнее или бледнеть, могли и почти вовсе исчезать. Казалось, сам Лебедев, как фокусник, управлял ими.

— Спроси у кого хочешь, был такой случай...

Лебедев все больше нравился Димке. С таким не соскучишься. Был бы у Димки такой старший брат — вот было бы здорово! На гитаре сыграть — пожалуйста, смешную историю рассказать — пожалуйста, в воротах вратарем постоять — сколько угодно. Все может Лебедев.

Димка и сам не заметил, как все чаще стал повторять: «Лебедев сказал...», «Лебедев говорит...», «Пап, а Лебедев сказал — скоро тревога будет...», «Пап, а Лебедев говорит, на ученьях пушки на парашютах бросают...», «Пап, а Лебедев...»

— Меня уже что-то начинает пугать этот Лебедев, — сказала мама. — Что он хоть из себя представляет?

Димка весь напрягся — ждал, что ответит отец. Отец пожал плечами.

— Димка уже достаточно взрослый, — сказал он, — чтобы самостоятельно выбирать себе друзей.

Все-таки Димка никак не мог понять отца: иногда хмурится, молчит, к нему и подступиться страшно, а иногда такое скажет, что прыгать от радости хочется. Вот как сейчас.

Однажды отец сказал:

— Завтра у твоего друга, между прочим, день рождения.

— У кого? — на всякий случай спросил Димка.

— У Лебедева. У кого же еще.

— И праздновать будут? — осведомился Димка.

— Ну, праздновать не праздновать, а поздравят. Боевой листок в его честь выпустят.

— А тебя тоже поздравляли, когда ты был солдатом? — спросил Димка.

— Нет, — сказал отец, — когда я служил, ничего такого и в помине не было. Мне двадцать

лет в карауле исполнилось. Никто и не вспомнил. Не до нежностей было... Отец вздохнул, и Димке почему-то показалось, что он жалеет о том времени, когда было не до нежностей. А может быть, просто обидно ему стало, что никто его тогда не поздравил.

«Надо поздравить Лебедева, — подумал Димка, — надо обязательно его поздравить».

Ему хотелось что-нибудь подарить Лебедеву. Но что? Он ничего не мог придумать. Бабушка в таких случаях говорила: «Важен не подарок, важно внимание».

Димка взял открытку, самую красивую — серебристая ракета в черном небе летит к звездам — и написал на обороте:

«Дорогой Лебедев! Поздравляю Вас с днем рождения и желаю...»

— Пап, — спросил он, — чего пожелать Лебедеву?

— Хм, — сказал отец, — наверно, успехов в учебно-боевой и политической подготовке.

«...успехов в боевой и политической подготовке», — написал Димка. Слово «учебно» он выбросил. Потом подумал и добавил:

«...а также счастья в личной жизни». И подписался: «Толмазов Дима».

Он решил, что отдаст эту открытку Лебедеву утром.

Но на рассвете полк подняли по тревоге.

На рассвете застучали по ступенькам сапоги посыльных, зазвенели звонки в квартирах, захлопали двери.

Ничего этого Димка не слышал. Он спал. А когда проснулся, отца уже не было. Димка очень расстроился, рассердился на маму: почему не разбудила?

— Потому что тебе там нечего делать, — сказала мама.

Димка обиделся еще больше. Торопливо позавтракал и побежал к казарме.

В казарме было тихо и пусто. Только дневальный скучал у тумбочки с телефоном.

— Проспал? — спросил он.

Димка ничего не ответил. Уж если бы он был солдатом, он бы ни за что не согласился дежурить у тумбочки, когда все поднялись по тревоге.

Он вышел на улицу, побрел к солдатской курилке. Сел на скамейку, где всегда сидел рядом с Лебедевым. Скамейка была сколочена из грубых досок и вся испещрена вырезанными буквами и цифрами. Кто вырезал свое имя, кто — год рождения, а кто — название родного города. «Пермь, — читал Димка, — Вологда... Баку... Саратов...»

«Может быть, они уже поднялись в небо, — думал Димка, — может быть, летят уже среди облаков, готовые в любую минуту обру-

шиться на голову противника, как белый смерч...»

Эти слова про белый смерч Димка прочел в одной книжке, и они ему очень понравились.

Димка попробовал представить, как гудит в самолете сирена, как поднимаются со своих мест солдаты, как медленно распахиваются створки огромного люка, как бушует воздушный вихрь... Все это рассказывал ему Лебедев. Но разве представишь такое? Вот самому бы посмотреть, своими глазами!

А может быть, и не поднимались они ни в какое небо, а просто бегут сейчас по пыльной дороге, топают сапогами, спешат выйти наперерез «противнику»...

Самое обидное, что Димка ничего не знает. Сидит здесь как дурачок и гадает. Жалко было отцу разбудить, что ли...

Посидел Димка в курилке, пошел домой. Дома тоже скучно. Мать сказала:

— Что ты мотаешься, как неприкаянный? Поиграл бы с детьми...

«С детьми!» — Димка фыркнул. «Дети» — это белобрысый шестилетний Павел, сын начальника штаба, и первоклассница Нинка. Димка всегда старался незаметно прошмыгнуть мимо них, а то еще увяжутся.

Снова пошел Димка к казарме — вдруг вернулись уже солдаты. Нет, не вернулись.

На скамейке в курилке сидел свободный дневальный и грелся на солнце.

— Смотри! — вдруг сказал он и вскочил.

Димка взглянул в небо, туда, куда показывал солдат, и ахнул от восторга. Там, в голубом небе, словно белые облачка, распускались парашюты. Один, два... пять... десять... Их было так много, что Димка сразу сбился со счета.

— Наши! — радостно закричал Димка. — Это же наши!

...Роты начали возвращаться только под вечер. Солдаты шагали усталые, пыльные, в темных от пота гимнастерках. С автоматами, с противогАЗами и ранцами, с фляжками и саперными лопатками, с подсумками и ножами — полная боевая выкладка.

Все роты вернулись, а той, которую ждал Димка, которую уже давно называл своей, все не было. Несколько раз прибегал он к казарме — пусто.

Наконец, рота появилась — уже перед самым ужином, когда стемнело.

Димка помчался в курилку — ему не терпелось узнать новости, расспросить солдат, как они прыгали.

В курилке было непривычно тихо. Солдаты сидели молчаливые, даже пыль с сапог еще не счистили, не помылись — видно, здорово вымотались. Говорил только Лебедев. И голос у не-

го был усталый, раздраженный, незнакомый. Но все равно Димка обрадовался, как только услышал этот голос. Он даже не думал никогда раньше, что за день можно так соскучиться.

— Ну что, ему больше других надо, что ли? — говорил Лебедев. — Зачем он второй раз погнал нас по этому полю? Славу себе на нашем горбу заработать хочет. Начальство скажет — он и старается, вон из кожи лезет. А солдат — что солдат?.. Солдат все стерпит...

Сосед Лебедева толкнул его в бок и показал глазами на Димку.

— А что! Я же правду говорю. Пусть слушает.

И тут вдруг Димка понял — это же про его отца говорит Лебедев!

... Давно еще, совсем маленьким, Димка однажды купался в озере. Он шел по ровному песчаному дну и вдруг провалился в яму. Вода скрыла его с головой, он захлебнулся. Хорошо, отец был рядом, он тут же выхватил Димку, ничего ужасного не случилось, но страх перед мгновенной неожиданностью, перед внезапностью перемены, перед этим таинственным «вдруг» надолго остался в Димкиной памяти. И вот теперь он снова испытал подобное чувство.

Наверно, ему надо было сразу уйти. Но тогда они могли подумать, что он побежал жаловаться отцу. А он никогда не был доносчиком. И Димка стоял и ждал, что будет дальше.

— Ладно, — сказал Лебедев, — пошли, хлопцы, мыться.

«Пошли, хлопцы, мыться», — сказал Лебедев, будто ничего не случилось. И, проходя мимо Димки, потрепал его по плечу...

Солдаты потянулись в казарму, курилка опустела, и Димка опять остался в одиночестве. Домой идти он не мог — мать только взглянет на него и сразу начнет допрашивать: что произошло? Даже отцу, когда у него неприятности, не удастся скрыть это. И тогда между отцом и матерью обычно начинается такой разговор: «Что случилось?» — спрашивает мама. «Ничего, — отвечает отец. — Откуда ты взяла?» — «Я же вижу». — «Что ты можешь видеть?» — сердится отец. «Ну ладно, — примирительно говорит мама, — ничего, так ничего».

Но от Димки она, конечно, так легко не отстанет.

Только теперь Димка вспомнил об открытке, которую так и не отдал Лебедеву. Открытка измялась в кармане брюк. Димка медленно порвал ее на маленькие кусочки и выбросил.

Он не пошел домой — спрятался в кустах и

сидел там тихо, не шевелясь, обхватив ноги руками, уткнувшись подбородком в колени.

«Как же так? — повторял он про себя. — Как же так?..»

Ему уже не раз казалось, что отец бывает несправедлив и резок с солдатами, только он боялся сам себе признаться в этом. Ему хотелось, чтобы солдаты любили его отца, он даже не представлял, что может быть по-другому. А Лебедев... Как он мог так говорить о его отце! И что же теперь будет с ним, с Димкой?..

Мысли путались в Димкиной голове, он никак не мог в них разобраться. Только одно он знал твердо: никогда уже ему не будет так хорошо, как было в тот день, когда он прыгнул с вышки, и отец вел его домой за руку, и встречные солдаты отдавали отцу честь... Никогда уже так не будет, никогда...

И от непоправимости того, что случилось, Димка заплакал.

5.

Ничего не изменилось.

По-прежнему отец поднимался рано утром, делал зарядку, вертелся на турнике, завтракал, уходил на работу.

По-прежнему маршировали роты, отправляясь на занятия, и возвращались вечером пыльные и усталые.

По-прежнему солдаты чистили свои автома- ты и надраивали до блеска сапоги, и пришивали к гимнастеркам белоснежные подворотнички, чтобы завтра снова отправиться на занятия и снова вернуться грязными и усталыми...

Ничего не изменилось. Только Димка стал реже бегать к казарме. И Лебедев, конечно, заметил это. Но ни о чем не спрашивал Димку — наверно, и сам все понимал. Лишь однажды все-таки не выдержал, снова завел разговор о Димкином отце.

В этот день Лебедев был дневальным, они остались в казарме вдвоем с Димкой.

— Как-то дома я разбил стекло, — сказал Лебедев, — так потом целых два дня прятался от батьки. Батька у меня человек вспыльчивый — как рассвирепеет, лучше ему на глаза не попадаться. Зато отойдет — все забудет. А твой папаша тебя не обижает?

Димка молча помотал головой. Он чувствовал, что разговор подходит к главному.

— Может быть, твой батька и неплохой человек, — задумчиво сказал Лебедев, — только не любят его солдаты. Тяжело с ним служить. Его бы воля — он бы солдату ни одной минуты свободной не оставил. Письмо даже некогда написать — веришь?

Димка уже не расстраивался, как в прошлый раз, но все равно у него оборвалось сердце, когда Лебедев произнес эту фразу «не любят его солдаты». Только и утешало Димку, что Лебедев разговаривал с ним откровенно, как со взрослым.

— Солдат ведь как, — продолжал рассуждать Лебедев, — ему сегодня пойдя навстречу, сделай послабление, так он завтра в лепешку разобьется, а все, что нужно, выполнит. А твой батька этого не понимает. Как начнет нудить из-за пустяка — хоть беги. Лучше бы накричал...

Димка молчал и с растерянностью ловил себя на том, что в душе соглашается с Лебедевым.

А вечером, перед сном, уже лежа в кровати, он рисовал в своем воображении такую картину: Лебедев спасает его отца. Или нет, наоборот — отец спасает Лебедева. Например: не разорвется граната. Бывают такие случаи, он сам читал. И Лебедев бросится к ней, но у него подвернется нога, и он упадет. А отец кинется к нему и оттащит в сторону. И тут граната взорвется. Потом отец скажет Лебедеву: «Откровенно говоря, я не думал, Лебедев, что вы такой храбрый». А Лебедев скажет Димкиному отцу: «Товарищ капитан, вы спасли мне жизнь. Я этого никогда не забуду». И потом, когда демобилизуется и уедет домой, будет писать письма и в конце каждого письма будет передавать приветы Димке. Все было хорошо в этой истории, только, пожалуй, слишком долго не взрывалась граната, слишком терпеливо ждала, когда Димкин отец оттащит Лебедева в сторону.

«Ну ладно, не обязательно граната, — думал Димка, — ведь сколько бывает героических случаев... Может же один произойти с его отцом и Лебедевым. Чтобы они поняли, что ошибались. Чтобы они не думали друг о друге плохо».

После разговора с Лебедевым Димка все чаще ловил себя на том, что стал внимательнее присматриваться к отцу — как разговаривает тот с солдатами, как шутит, как сердится, как отдает приказания...

И теперь даже маленькие, незначительные происшествия, на которые он раньше бы и внимания не обратил, заставляли его задумываться, радовали его или портили ему настроение...

Он невзлюбил занятия по противоатомной защите. Каждый день одно и то же. Надеть — снять. Надеть — снять. Снять — надеть. И солдаты натягивают противогазы, торопливо напяливают на сапоги клейкие, янтарного цвета защитные чулки, завязывают тесемки, заворачивают

ваются в бумажные накидки, приседают и становятся похожими на маленькие копны сена, разбросанные по полю. А командиры щелкают секундомерами. И отец тоже смотрит на секундомер и хмурится. Оказывается, здесь все важно — и откуда ветер дует, и как сбросить накидку, и что снять сначала, а что потом, каждая мелочь имеет значение. Чуть что не так сделаешь — двойка, начинай все сначала. Один раз, два раза, десять... Даже Димке надоедает. А каково же солдатам!

Зато занятия по самбо — совсем другое дело! Самооборона без оружия — одно название чего стоит! Смотреть, как солдаты схватываются друг с другом на толстых, мягких матах, как разучивают разные хитроумные приемы — это Димке никогда не надоеет.

Однажды он так увлекся, что даже не заметил, как подошел отец. Отец посмотрел, посмотрел, потом сказал:

— Рядовой Горохов, не ленитесь.

— А я и не ленюсь, товарищ капитан, — обиженно отозвался Горохов. — Вон мокрый уже весь.

— Нет, нет, так не пойдет, — сказал Димкин отец, — вы вроде той сороконожки, которая задумалась, с какой ноги ей шагнуть. А у вас

каждое движение должно быть отработано до автоматизма. Вот, смотрите.

Он шагнул на мат и остановился против Горохова.

— Нападайте на меня. Нападайте с ножом. Ну, смелее!

Кто-то из солдат сунул Горохову короткую деревяшку — вместо ножа. Горохов нерешительно двинулся вперед.

— Э-э, нет, не годится, — поморщился отец. — Никуда не годится. Смелее! Энергичней!

Горохов на этот раз быстрее бросился вперед, взмахнул рукой. В ту же секунду Димкин отец перехватил его руку, сделал какое-то неумовимое движение и перебросил Горохова через себя.

— А ну-ка, еще разок!

Теперь уже Горохов вошел в азарт. Он резко, неожиданно наклонился, стараясь ударить Димкиного отца в живот, но снова оказался брошенным на мат. Нож-деревяшка валялся далеко в стороне.

Солдаты восторженно загудели. Они с восхищением смотрели на Димкиного отца, и Димка в эту минуту гордился им и радовался.

В другой раз как-то, в перерыве между занятиями по радиodelу, кто-то из солдат включил транзисторный приемник—передавали репортаж о футбольном матче. Играли советская сборная и сборная Венгрии. До конца матча оставалось пятнадцать минут и счет был 1:0 в пользу Венгрии. Слышно было, как ревел стадион.

— Советские футболисты атакуют! Непрерывно атакуют! — захлебывался комментатор. — Все игроки сейчас на половине Венгрии. Удастся ли нашим ребятам уйти от поражения?

Солдаты болели очень дружно: хлопали в ладоши, вскрикивали, когда наши футболисты прорывались к воротам противника, и напряженно затихали, когда в атаку шли венгры. Они переживали так, словно весь этот матч развертывался на их глазах, словно своими криками они могли подбодрить нашу сборную. И Димка переживал вместе со всеми.

Перерыв кончился, пора было уже начинать занятия, но солдаты не отрывались от приемника. И молоденький лейтенант, командир взвода, тоже азартно болел вместе с солдатами.

— Идут последние минуты матча! Венгерские защитники выбивают мяч за пределы поля. Сейчас наши ребята будут подавать угловой. Это шестнадцатый угловой во втором тайме! Наши ребята торопятся! Очень торопятся!

И в этот момент Димка вдруг услышал голос отца:

— Что тут происходит? Почему взвод не на занятиях?

Лейтенант вскочил, вытянулся и, залившись румянцем, сказал:

— Виноват, товарищ капитан... Заслушались...

А солдаты возбужденно, перебивая друг друга, заговорили:

— Товарищ капитан, семь минут осталось...
— Товарищ капитан, наши проигрывают...
— Товарищ капитан, разрешите...

Они умоляюще смотрели на Димкиного отца, и он, показалось Димке, заколебался. Он-то ведь тоже был болельщиком. Димка знал это отлично, ему тоже наверняка хотелось послушать, как кончится матч.

«Ну разреши, ну разреши... Ну, что тебе стоит...» — уговаривал в душе Димка отца.

Есть же на свете счастливые люди, обладающие даром гипноза! Если бы Димка мог сейчас внушить отцу свои мысли! Он представил себе, как махнет отец рукой: «А, была не была!», как обрадуются солдаты, как восторженно будут опять смотреть на своего командира...

«Ну что тебе стоит...»

Но отец колебался только несколько секунд. А может быть, он и не колебался вовсе. Может быть, это только показалось Димке.

— Все. Довольно, — командирским голосом сказал отец. — Шагом марш на занятия.

— Наши опять атаку... — комментатор словно наткнулся с разбега на невидимое препятствие и замолк. Это лейтенант поспешно выключил приемник.

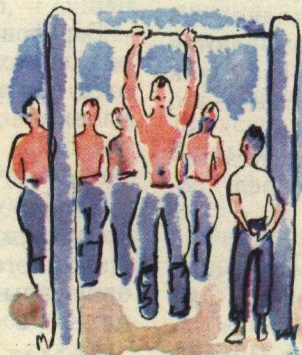
И солдаты понуро пошли в класс — выстукивать на ключах азбуку Морзе.

А отец улыбнулся Димке и сказал:

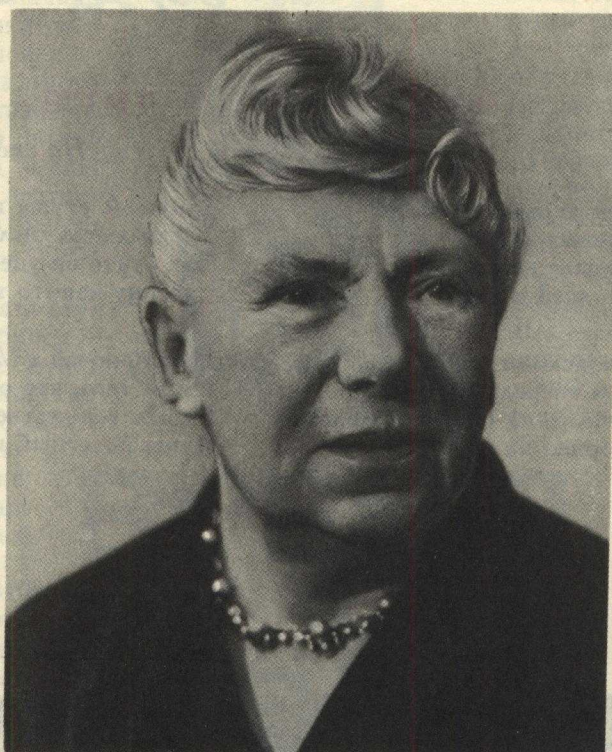
— Я вижу, ты скоро совсем переселишься к солдатам. Может, тебе и кровать перенести в казарму, а?

Неужели отец не понимал, что он сейчас сделал? Неужели даже не чувствовал этого? Иначе разве стал бы он шутить и улыбаться? И оттого, что отец, его отец не мог понять таких простых и таких важных вещей, Димка расстраивался и страдал еще сильнее...

В этот день он больше не появился в солдатской курилке — он знал, что сегодня не услышит о своем отце ничего хорошего...

Окончание следует

ВЕРА ИНБЕР

Зимние сумерки в Мамоновском переулке. В полуоткрытую форточку вливается морозный воздух; на Тверской позванивают трамваи, доносится скрип извозничьих полозьев. Внезапно, все ближе и ближе, голос быстро бегущего по переулку газетчика: «Скончался Владимир Ильич Ленин!»

В январской ночи мы двинулись к Дому Союзов издалека. Облако сотен тысяч дыханий окутывало медленный людской поток. Воздух, скованный стужей, был неподвижен. Высоко в небе, в тройном кольце сияния, как это бывает только при самых сильных морозах, плыла луна.

Ленин в гробу производил впечатление спящего. Казалось, он уснул среди венков и звуки похоронного марша вот-вот разбудят его...

На другой день, с обвязанным горлом, я сидела дома. Пришли Илья Эренбург и Андрей Соболев: им поручен сбор материала для однодневной газеты «Ленин».

Времени было в обрез, и я села писать сразу же после их ухода.

Навсегда врезался мне в память восковой профиль Ленина, и красный

орден на его груди, и стужа, как бы вобравшая в себя весь жгучий холод леденящей сердце скорби, и особая торжественность луны. А главное, самое важное — стихия народного горя: людские толпы. Все это я и попыталась передать в стихотворении «Пять ночей и дней». К вечеру оно было готово. Но мысль, что еще не все сказано, не оставляет меня.

Веря Инбер

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

На смерть Ленина

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней.

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

1924

Линогравюра В. Кочегуры и М. Пискаревой

Если вы приедете в старинный польский город Краков, вас непременно пригласят посетить соляные копи в городке Величке. От Кракова — четверть часа на автобусе.

Я был в Величке в начале марта, когда еще не стоял снег и в воздухе чувствовался легкий морозец. Из надшахтного здания, похожего на маленький вокзал, нам, приедем, предложили спуститься под землю пешком, по деревянной лестнице, тесно встроенной в вертикальный, как колодец, ствол шахты.

Кто-то принялся считать ступени, считал, считал и сбился — казалось, лестнице не будет конца. Но вот мы вышли на первый, верхний, горизонт копей. Добраться сюда — примерно то же, что спуститься с двадцатого этажа. Самый нижний горизонт в копиях Велички — на глубине 340 метров под землей, это уже, можно сказать, столетняя глубина. Но, конечно, туда пешком никто не ходит.

Разработки здесь ведутся с XI века, первые добытчики долбили глыбы киркой и на-гора выносили соль на собственных плечах. Шахта (поляки говорят «копальня») существует уже шестьсот лет, и за это время здесь добыты миллионы тонн соли. Подъемные машины появились тут в середине прошлого столетия. Работы стали вестись с помощью взрывчатки. Со временем решено было, что выгоднее на глубине растворять соль водой и выкачивать на поверхность соляной раствор, а после выпаривать воду в особых чанах. Этим способом и получают чистую соль в Величке в последние годы.

Чтобы увидеть все подземные галереи, нужно, как говорят, ходить две недели по восемь часов

ВРЕМЯ И СОЛЬ

в день. Нам предложили обойти только музейную часть копей, где работы уже не ведутся.

Мы шли по слабо освещенным подземным коридорам. Здесь было сухо и чисто. Мы попадали в залы, где под неровными каменными сводами сверкали люстры из крупных кристаллов соли, а у стен стояли темные статуи, подсвеченные электрическими светильниками, скрытыми от нашего взгляда. Местные скульпторы-горняки создавали их из соляных глыб (лизнешь такую статую — почувствуешь на языке соль, но лизать, понятно, не разрешается). В необычайно красивых, я бы сказал, торжественно красивых подземных залах Велички можно увидеть персонажей старинных легенд (например, двух веселых гномов на выступах каменных стен) и фигуры святых, статую короля Казимира, жившего в четырнадцатом веке, и скульптурные изображения современных горняков.

В просторном и хорошо освещенном зале, названном «грот Сенкевича» (в честь знаменитого польского писателя), — теннисный корт с паркетным полом. Проводник объяснил, что на этом корте в холодное зимнее время тренируются лучшие теннисисты Польши, благо температура в копиях зимой и летом одинакова — 12 градусов тепла.

Напоследок, когда мы думали, что остается только вернуться на-гора в кабине подъемной клетки, нас привели в огромную, гулкую пещеру. Под самым ее куполом, высоко-высоко — надо было задрать голову, чтобы увидеть, — светился фонарь. Оказалось, что высота пещеры — сорок два метра, представляете?

Наш проводник (это был пожилой мужчина в горняцкой каске) стал вспоминать о второй мировой войне...

Осенью 1939 года страна была оккупирована гитлеровской Германией. Западную часть Польши Гитлер присоединил к германскому государству. Другая часть ее была названа генерал-губернаторством и, по сути дела, превращена в колонию. Главным городом генерал-губернаторства стал Краков.

В центре Кракова возвышается, наподобие кремлевского холма в Москве, замок Вавель, древняя резиденция польских королей. Немецкий генерал-губернатор Франк тоже сделал Вавель своей резиденцией. Он чувствовал себя некоронованным королем Польши. В краковской

Ягеллонской библиотеке он расписался в «книге королей». В Вавеле спал в постели Зигмунта Третьего и писал, сидя за королевским столом. Правда, этот стол оказался слишком высок для гитлеровского генерал-губернатора, но Франк распорядился, чтобы у стола укоротили ножки.

И вот, когда на Вавельском холме царил гитлеровский наместник, здесь, в коях Велички, в этой самой пещере был устроен подземный завод по изготовлению запасных частей для самолетов. В адских условиях, на положении рабов, трудились три тысячи рабочих — поляки и евреи. Каждого тщательно обыскивали перед спуском в копи и перед выходом на поверхность. За всякую попытку саботажа рабочего ожидало одно наказание — расстрел.

Отсюда в 1944 году при отступлении германских войск всех евреев вывезли в лагерь уничтожения — Освенцим.

О второй мировой войне в Величке помнят хорошо, как и всюду в Польше, ибо гитлеровских преступлений нельзя ни забыть, ни простить. В Вавеле теперь замечательный музей, а генерал-губернатор Франк после войны занял место, которое заслужил, — закачался на виселице.

Величка живет, работает. Соль нужна людям изо дня в день, из века в век. Каждый должен съесть свой пуд соли — в прямом и в переносном смысле.

С. Тхоржевский
Рисунки Ю. Шабанова

берег. Лев поплыл по середине реки, энергично работая лапами. Когда вода попадала в нос, он громко фыр-кал и мотал головой. Грива намокла, прилипла к шее, и Лев уже не казался таким громадным.

Проезжавшая мимо пожарная команда не обратила внимания на плывущего Льва, приняв его за крупную собаку.

По пустынной улице, всматриваясь в львиные следы, шел Свирепый Охотник. У него был нос в крапинку, большой, мясистый — всем носом нос! Под носом, как два колючих куста, росли усы, такие черные, словно хозяин густо смазывал их сапожной ваксой. Над глазами тоже росли кусты, только поменьше. Кусты шевелились. На человеке были высокие болотные сапоги, кожаная куртка в мелких трещинках и шляпа с петушиным пером. Поверх этого наряда висели: патрон-таш, ягдташ, медный рожок, нож в ножнах, набор свистулек, цепь — на случай, если поймает медведя, и, конечно, ружье.

Говорят — это он сам говорит — что в молодости при одном его имени у львов тряслись лапы и грива вставала дыбом, а хищные тигры начинали униженно ползать на брюхе. Это были отличные времена. К сожалению, никто, кроме Свирепого Охотника, не помнил их. Теперь Свирепый Охотник работал в зоологическом музее, где звери не бодаются, не кусаются, не лягаются, не царапаются, не бьют наповал лапой — и поэтому вполне безопасны. Единственным живым существом, с которым Свирепому Охотнику приходилось сражаться ежедневно, была музейная моль. Свирепый Охотник гонялся за молью и хлопал в ладоши. И эти хлопки заменяли ему ружейные выстрелы.

Сегодня Свирепый Охотник шел по улице, наступая огромными болотными сапогами на львиные следы. При этом он втягивал воздух носом и безошибочно определял:

— Пахнет львами!

В конце концов он решил устроить засаду: ловко забрался на фонарный столб и притаился. Курки его старого ружья были взведены. Он ждал и думал о том, как убьет Льва и его наградят медалью за спасение родного города. А из убитого зверя он сделает отличное чучело.

Одними губами он напевал песенку:

А я Охотник Свирепый,
Не ем моркови и репы,
Не пью ни чая, ни кваса,
А ем тигровое мясо.

Ружье мне сделали в Туле,
В патронах пороха и пули.
А ну, выходите, тигры,
Со мною опасны игры!

Зовет меня в бой охота.
Могу свалить бегемота.
А ну, толстокожий, грозный,
Спасайся, пока не поздно!

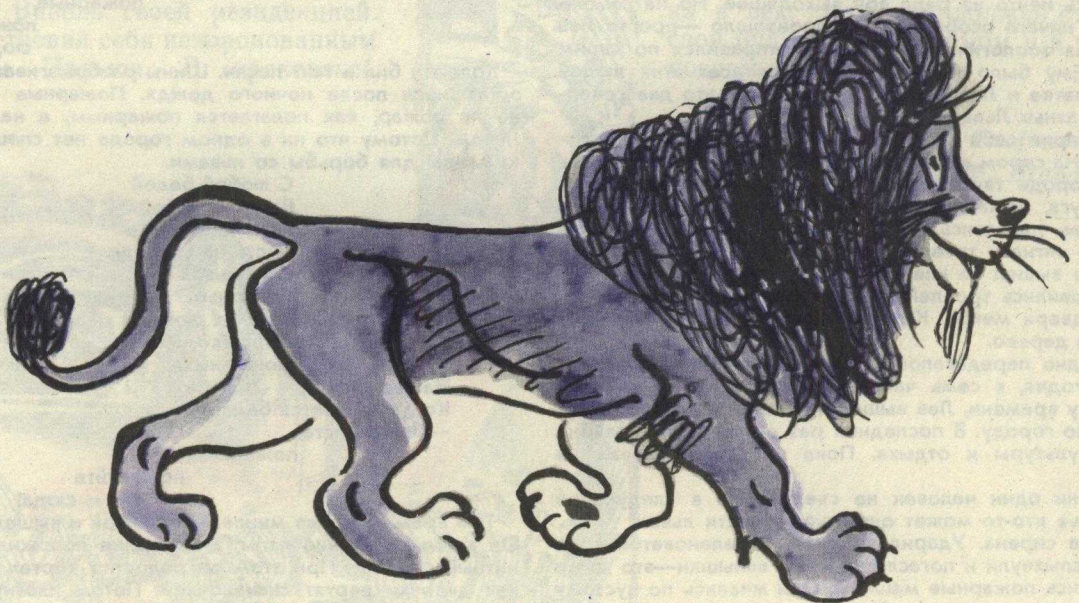
А Лев плыл по Москва-реке, и пушинки тополиного пуха застревали в густой гриве и в усах. Над ним кружили чайки. Какая-то маленькая рыбешка ткнула его головой в живот и потом всю жизнь рассказывала, как она напала на Льва и Лев уплыл от нее в ужасе.

Но тут мы должны прерваться и рассказать, как Лев очутился в городе.

Глава вторая

Раньше всех в зоологическом саду просыпался Петух. Он открывал свои янтарные глаза с черной ягодкой посередине и начинал изо всех сил бить себя крыльями по бокам. Его кисло-красная борода тряслась, синие перья хвоста рассыпались в стороны тонкими серпами. Никто не знает, куда Петух прячет свои часы и есть ли у его часов маятник и стрелки, только каждое утро в один и тот же час Петух пел побудку всему зоологическому саду:

Будильник надо завести,
А иногда в ремонт снести.
И если кончился завод,
Он не звенит и не зовет.

Мои часы всегда при мне.
Я вижу время и во сне.
И просыпаюсь раньше вас,
Чтоб объявить, который час.

Сегодня первым открыл глаза Лев. Он потряс головой, выгнул спину, как огромный рыжий кот, и стал точить когти.

За ним пробудился жираф. Всю ночь его голова лежала на земле. Но теперь она стала подниматься ввысь, как воздушный шарик с двумя рожками и большими глазами.

Бегемот поднялся на ноги, но от этого стал не намного выше, и никто бы не обратил на него внимания, если бы он не зевнул. Он открыл свой огромный розовый зев, и всем его соседям показалось, что он сейчас проглотит их.

Кенгуру тут же попятилась и лапой прикрыла маленького кенгуренка, который сидел в мешке и таращил черные глазки на бегемота. Бегемот никого не проглотил. Он просто зевнул, не прикрыв рта ладонью. Какую надо иметь ладонь, чтобы прикрыть такой рот?

Зоологический сад пробуждался, при этом издавал множество разных звуков: сопел, рычал, подвывал, урчал, кудахтал, кричал, ржал, мычал и даже трубил. Словом, каждый обитатель на своем языке говорил: «С добрым утром!»

А по дорожке шел Смотритель и каждому зверю отвечал на человеческом языке «С добрым утром».

И все понимали друг друга.

Смотритель был сухоньким седым старичком с жидкой бородкой, чем-то напоминающей козлиную. На голове у него росли редкие волосы, которые делали его похожим на одуванчик. В правой руке у него позвякивала большая связка ключей. На бирочках было написано: «Слон», «Антилопа», «Попугай», «Крокодил»...

И тут смотритель увидел двух танцующих обезьян.

Смотритель любил порядок. Он сердито спросил:

— Что это значит?

— Мы поступаем в цирковое училище, — ответила Первая Обезьяна, не переставая танцевать.

— Мы готовимся к экзамену, — ответила Вторая Обезьяна, не переставая кувыркаться.

— Очень большой конкурс. Десять обезьян на одно место, — сказала Первая Обезьяна, стоя на голове.

— Приезжим предоставляется общежитие, — добавила Вторая Обезьяна, уцепившись хвостом за ветку.

— Мы будем жить в общежитии, — танцуя, сказали обе Обезьяны.

— А вы знаете, что такое общежитие? — спросил Смотритель и тут заметил, что он и сам пританцовывает.

— Общежитие — это когда все звери живут в одной клетке! — хором сказали Обезьяны, и одна встала на голову другой.

Где-то вдалеке снова пропел Петух. Смотритель достал часы, щелкнул крышкой и поморщился:

— Ну вот, Петух отстал на полторы минуты. А я еще по нему часы проверяю. Пора на зарядку.

Заиграла музыка. Звери выстроились на большой зеленой лужайке. По росту: первым — Жираф, последним — Тушканчик.

— И... на-ча-ли! — скомандовал Смотритель, и все стали приседать.

При этом они пели:

Бегемот тяжел и тучен,
Он к движениям не приучен,
Но, зарядкой занимаясь,
Станет тонким он, как аист.
Раз-два — подтянись!
Три-четыре — наклонись!

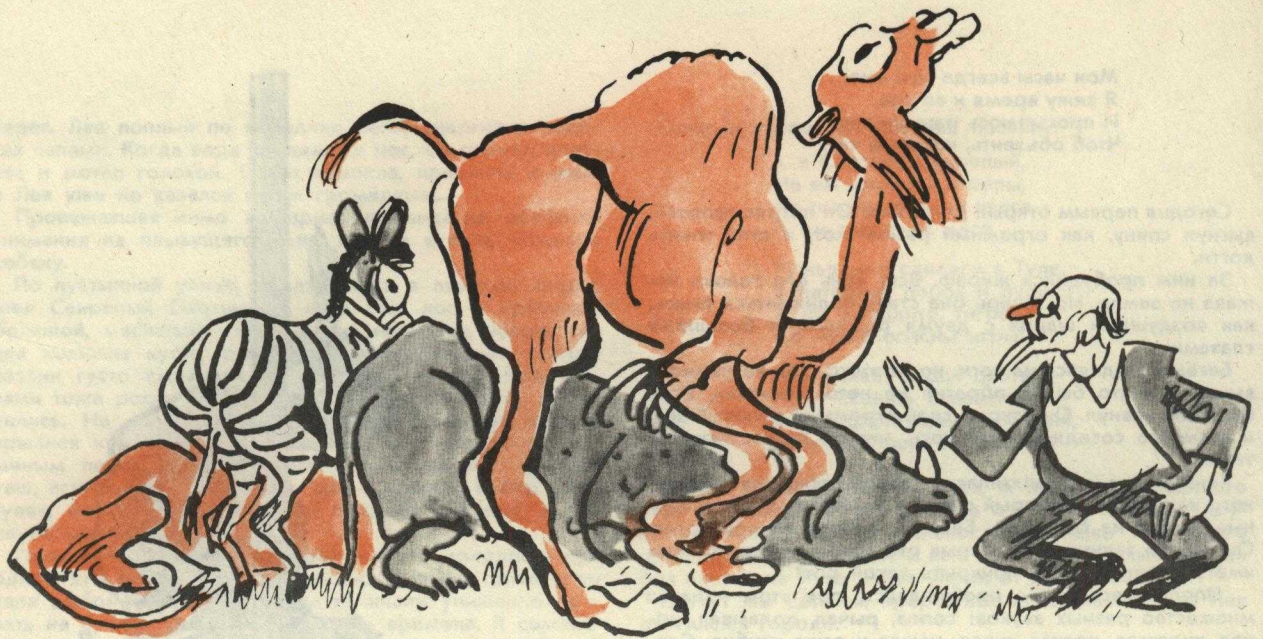

Приседали Обезьяны. Приседал Лев. За бортиком бассейна появлялась и пропадала голова Бегемота. Голова Жирафа то опускалась, то снова взлетала, как воздушный шарик с рожками.

После приседания Смотритель объявил:

— Делаем наклоны. Кончиком носа достанем до земли, не сгибая коленок. И... на-ча-ли!

Теперь шея Жирафа опускалась и поднималась, как железнодорожный шлагбаум. Слон же стоял на месте и все упражнения проделывал хоботом. И тут послышался

оглушительный храп. Музыка умолкла. Смотритель внимательно обвел глазами всех зверей.

— Кто храпит? Кто уснул на зарядке?

— Бегемот, — сказал Жираф, он сверху увидел, кто уснул.

— Какое безобразие! — сказал Смотритель, а звери принялись будить Бегемота. Кто-то толкал его, кто-то бодал, кто-то попробовал укусить, но сломал зуб.

Наконец, Бегемот открыл глаза и зевнул.

— Ты уснул на зарядке, — выговаривал ему Смотритель. — Ты хочешь окончательно ожиреть?

— А мне все равно, — густым басом ответил Бегемот.

— Сейчас же делай зарядку! Внимание, делаем прыжки. Следите за дыханием. ... Начали!

Обезьяны очень хилы,
Нет в руках могучей силы,
Но при помощи зарядки
Скоро будет все в порядке.
Раз-два — подтянись,
Три-четыре — наклонись!

— Зарядка окончена! Приступайте к водным процедурам! — скомандовал Смотритель и пригладил рукой свой растрепавшийся одуванчик.

Бегемот и Крокодил нырнули в воду. Слон набрал полный хобот воды и устроил душ. Лев проделывал водные процедуры языком. Петух выкупался в золе. Каждый умылся как мог.

А Смотритель уже встречал гостей. И даже обратился к ним с речью:

В зоологическом саду
Играют зайцы в чехарду,
А ласточки-касатки
Весь день играют в прятки.
Как пассажирский пароход,
Плывет папаша-бегемот.
На папе бегемотик
Сидит, разинув ротик.
В зоологическом саду
Не попадете вы в беду,
А встретите здесь многих
Друзей четвероногих.

— Пожалуйста, приходите в зоологический сад. Только помните: у нас строго воспрещается гладить змей, дергать за хвост крокодила, наступать на лапы львам и отнимать мясо у тигров! Запомнили? А теперь добро пожаловать!

Глава третья

Вы никогда не слышали, как поют львы? Вы, наверное, думаете, что львы поют рыча, а они поют тихо, почти про себя. Можно стоять рядом со львом и не услышать его песни, и только по лвиным глазам почувствуете — лев поет; в них загорается какой-то странный зеленый огонь. При этом лев опускает голову или слегка наклоняет ее набок. Все зависит от того, какую песню он поет. Грустную или веселую.

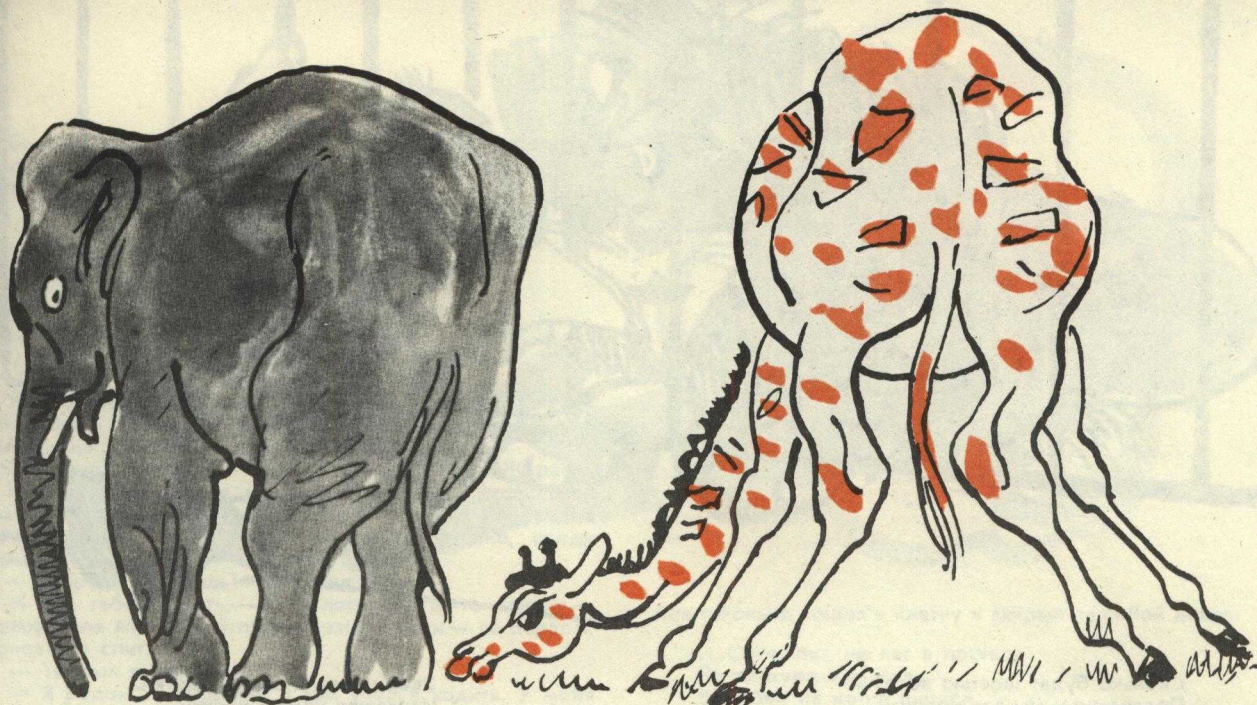
У нашего Льва была своя любимая песня. И если бы ее удалось перевести со лвиного языка на язык людей, она звучала бы так:

Тополь высокий рядом со мною,
Здесь я родился, здесь все родное.
Улица рядом — тоже родная,
Песня мальчишки, голос трамвая.
Дождь длинноногий бродит по крышам,
Ветер осенний кажется рыжим. ...

Именно эту песню пел Лев. А мимо нескончаемым потоком шли люди: большие, маленькие, кудрявые, лысые, девочки, мальчики, бабушки, военные, спортсмены, дедушки и даже прадедушки. Лев любил, когда приходили люди. За всю жизнь он не видел от людей ничего плохого, и ему даже в голову не приходило, что человека можно ударить лапой или укусить. До Льва долетали обрывки человеческих разговоров, которые он за долгие годы общения с людьми научился понимать. Вероятно, если мимо нас ежедневно проходило бы несколько тысяч львов, мы тоже научились бы понимать лвиный язык.

И тут, среди шума голосов, тонкий слух Льва уловил звук знакомых шагов.

«Это он! — Лев радостно замотал головой. — Это Леша Кашин — мой лучший друг!»

Перед клеткой появился мальчик в полосатой морской тельняшке и в длинных брюках с обтрепавшимися краями. Леша Кашин мечтал стать мореплавателем, а пока что он дружил со Львом.

— Здравствуй, Лев! — сказал Леша.

— Здравствуй, Леша Кашин, — отозвался Лев. — Ты исправил двойку по русскому письменному?

— Исправил.

— А я волновался, — признался Лев, — мне всю ночь снились большие и жирные двойки.

— Я тебе что-то принес, — сказал Леша, он не очень-то любил говорить о двойках.

— Бутерброд с колбасой? — попытался угадать Лев.

— Нет!

— Кусок мяса?

Леша Кашин замотал головой.

— Нет, Лев! Я принес тебе Африку.

— Африку? Никогда не ел. Она с капустой или с мясом?

Леша усмехнулся и протянул Льву сверток бумаги, который до сих пор держал подмышкой.

— Вот она — Африка.

Лев развернул бумагу — это оказалась картина. Яркая, красочная, аппетитная. Льву так понравилась картина, что он захотел лизнуть ее, но Леша Кашин вовремя остановил его.

— Осторожно! Это картина. Картины смотрят, а не лизнут!

— Прости! — вздохнул Лев. — Прости, я думал — это варенье.

Леша внимательно посмотрел на Льва, покачал головой и сказал:

— Африка — это далекая жаркая страна. В ней живут Львы.

— Понимаю, — тут же смекнул Лев. — Африка — это такой жаркий зоологический сад.

— Там нет клеток.

— Большое неудобство, — воскликнул Лев. — Как же там живут львы? Спят прямо на дорожках? А посетители наступают им на лапы?

— Там нет посетителей! Там зеленые саванны. Видишь густые заросли?

— Вижу, вижу, — сказал Лев и принялся рассматривать Африку. — Вот стоит елка без веток, а вот зеленый ежик.

— Да нет же! — воскликнул Леша Кашин. — Это не елка, а пальма. А это кактус. Такое растение.

— Вижу! Как они сюда попали? Из зооцентра?

Леша отвернулся. Он обиделся на Льва. Почему Лев не верит ему? Разве можно не верить настоящему другу?

— Да нет же! Здесь их родина. Это твои родные братья.

— Не знал, что у меня есть родственники за границей, — признался Лев. — Куда же они прячутся от снега?

— Там нет снега.

— Не может быть, чтобы там не было снега! Ты что-то напутал. Как же африканские ребята катаются на санках и на лыжах?

— Они не катаются.

— Очень плохо. Оставить детей без снега!

Леша покачал головой: что ты понимаешь!

— В Африке круглый год светит солнце и можно бегать в трусах и купаться. Бананы и финики растут на каждом шагу — ешь, сколько влезет. Ты хотел бы побывать в Африке?

— Не знаю, — признался Лев. — Может быть... На денек... Посмотреть... Сам-то ты давно был в Африке?

— Я не был.

— Откуда же ты все знаешь? Так красиво нарисовал. Может быть, ты придумал Африку?

— Лев, друг мой, — сказал Леша. — Я узнал, где твои родные места, где живут твои братья. Если хочешь, я помогу тебе добраться в те края. В Африку. Мне будет жаль с тобой расставаться, но каждый, будь то человек, будь то лев, должен жить на своей родине. Разве я не прав?

— Может быть, ты и прав, — задумчиво ответил Лев, — но я должен поразмыслить. Может быть, я и соберусь в Африку.

— Мне пора! — сказал Леша. — Подумай! До свиданья.

Леша ушел и снова появились две неразлучные Обезьяны. Они танцевали, кувыркались, и публика была очень довольна. Обезьяны проделывали смешные трюки и пели:

Обезьяны, обезьяны

Перестали есть бананы.

Днем и ночью обезьяны

Над тетрадками томятся.

Сколько будет шестью восемь?
Подскажите, мы вас просим,
Очень трудно обезьянам заниматься.

Мы трудиться не устанем,
Акробатами мы станем.
И под самый купол цирка
Мы попробуем забраться.
Наши родственники — люди —
Могут ездить на верблюде,
Но, как мы, они не могут кувыркаться.

И долго еще продолжалось веселое выступление обезьян — будущих артистов цирка.

Звери спят, и спят их детки.
Исчезают ночью клетки.
Снятся детям корабли,
Снится дальний край земли.
Детям дома не сидится,
Взрослым людям детство снится...

Глава четвертая

В эту ночь Лев не мог уснуть.

Правду ли сказал ему друг Леша Кашин или он придумал эту далекую Африку, где вечно светит солнце и братья-львы лежат под развесистой пальмой?

Из-за этой Африки Лев потерял покой.

Уже в городе погасли огни, и от этого звезды в небе стали ярче и крупнее. Лев захотел отвлечься от своих мыслей и стал рассматривать звездное небо. Он увидел множество знакомых животных, как бы нарисованных звездами. Вот прополз звездный Рак, его обогнали звездные Рыбы. В глубине неба злое пооблескивал Скорпион. Увидел Лев Тельца и Козерога, Большую Медведицу с маленьким медвежонком. И, наконец, он увидел себя — Льва. Да, да, Лев смотрел в небо, как в огромное зеркало, и видел звездного Льва. Земной Лев тихо завыл, ожидая, что звездный двойник услышит его и откликнется. Но небо молчало.

Зато неподалеку послышалась знакомая песенка. Ее пел старый Смотритель:

Не снимает петушок
На ночь красный гребешок.
Зебра в клетке зоосада
Спит в рубашке полосатой.
Кенгуру в большом мешке
Спит у мамы на брюшке.
Спит лохматый медвежонок,
Лапу он сосет спросонок.

Ночь шагает налегке
С фонарем большим в руке.

Вдалеке между деревьев сверкнул огонек фонаря. Смотритель шел не спеша, усталой походкой. На нем был теплый тулуп, потому что старикам ночью зябко. А голова без шапки плыла, как белый одуванчик. Вдалеке послышался жалобный голос.

Смотритель поставил фонарь на землю и прислушался.

— Это Лосенок, — сказал он, — у него болит нога. Жалобный голос повторился.

— А может быть, это Рысенок? .. Да нет же, это Поросяенок. Как я сразу не узнал.

Смотритель подхватил фонарь и зашагал в сторону, откуда доносился голос.

Некоторое время Лев ходил по клетке, потом со скрипом отворил дверку и вышел на дорожку. Теперь он ходил по дорожке и сам себе говорил:

— Никак не могу уснуть. Всегда так хорошо сплю. Без сновторного. А сегодня не спится. Ах, эта Африка, эта Африка. Почему раньше никто не рассказывал мне об Африке?

Тут Лев услышал всплеск воды: это Бегемот во сне перевернулся на другой бок. А может быть, ему тоже не спалось. Лев тихо подошел к Бегемоту и спросил:

— Ты спишь?

— А чего мне спать? — отозвался Бегемот.

— Послушай, Бегемот, ты когда-нибудь был в Африке?

— Был, в детстве.

— Расскажи об Африке.

Бегемот помолчал, поворочался и начал рассказывать:

— Африка — это такая река. С мягкой зеленой тиной... Я помню, моя мама плавала по зеленой воде, а я сидел у нее на спине и показывал язык крокодилам.

— Рассказывай, рассказывай еще!

— Больше я ничего не помню.

— А папу ты помнишь? — спросил Лев.

— Папу не помню... Его съели крокодилы... на ужин.

— Жалко твоего папу... Ну, вспомни еще что-нибудь.

— Что я еще могу вспомнить? В детстве у меня росли зубы и очень чесались десны. И мама пела мне песенку. Спеть?

— Спой! Конечно, спой, только тихо.

Бегемот долго откашливался, потом долго вспоминал слова, потом долго вспоминал мотив песни и, наконец, запел:

Бегемотик, мой малыш,
Почему ты все шалишь?
Черепашу сунул в рот,
Разве это бутерброд?

Бегемотик, мой малыш,
Почему же ты не спишь?
Черепаша в животе
Ходит-бродит в темноте.

Лев внимательно слушал песню Бегемота. Вдруг песня оборвалась и послышался густой храп. Бегемот уснул. Он всегда засыпал не вовремя.

— Уснул... малыш,— сказал Лев.— Пойду к Жирафу.

И, бесшумно ступая на мягкие кожаные подушечки лап, Лев отправился к Жирафу. В темноте он увидел четыре ноги. Голова же была где-то высоко, среди звезд.

— Жираф, ты спишь?— спросил Лев.

— Как тебе сказать,— донеслось откуда-то сверху.— Голова моя живет на втором этаже, а ноги — на первом. Голова не спит...

— Ты был в Африке?

— Я родом из Африки. Я там учился ходить. У меня были очень слабые ноги, они все время подкашивались и я падал на колени. Но потом ноги окрепли, шея вытянулась и, когда я шел по молодой роще, цветы касались моих губ и глаз. Африка — это множество цветов: желтых, лиловых, огненных, голубых, белых. И у каждого цветка — свой аромат. От запахов цветов и трав у меня кружилась голова. Я наклонялся и губами срывал нежные побеги.

— А я никогда не был в Африке, хотя у меня там братья,— со вздохом сказал Лев.

— Да, да, я знал твоих братьев. Они просыпались раньше всех и поднимали такой страшный рев, что саванны дрожали.

— Очень невежливо шуметь, когда другие спят,— заметил Лев.

— Что ты, это благородно. Потому что, когда львы бодрствуют, лучше быть начеку... Спокойной ночи!

— Спокойной ночи,— задумчиво ответил Лев.— Множество цветов — лиловых, желтых, голубых... От запаха цветов и трав кружится голова...

Лев шел по дорожке, и перед глазами у него возникали прекрасные цветы. Ему даже казалось, что он чувствует их тонкий аромат.

Так он очутился у Кенгуру.

— Кенгуру, вы спите?— тихо спросил Лев.

— Нет, я качаю ребенка. Он что-то съел и никак не может заснуть. У него болит животик.

— Бедный мальчик,— сочувственно сказал Лев.

— Вы что-то хотели спросить меня?

— Да, я хотел спросить вас об Африке.

— Никогда не была в этой стране. Я могу рассказать вам об Австралии. Сколько там кенгуру! Есть с кем поговорить, есть с кем попрыгать...

— Но меня интересует Африка.

— Ах, Африка! Говорят, там очень жарко и плохо с овощами.

— Но зато там цветы!

— Разве думаешь о цветах, когда у ребенка болит живот.

Лев опустил голову и на цыпочках—на коготках—пошел прочь. При свете луны, между деревьями промелькнули две тени.

— Если хочешь поступить в высшее учебное заведение, надо готовиться днем и ночью,— сказала Первая тень.

— Днем и ночью,— откликнулась Вторая.— Ведь на одно место десять обезьян.

Лев тихонько вошел в клетку и закрыл за собой дверь.

...Стоя спит, не лег в постель

Жура-жура-журавель.

Воробей на ветке шаткой

Спит удобно, как в кровати.

Это пел Смотритель. Между деревьями качался белый одуванчик. Потом он исчез. И песня смолкла.

— Спят все звери на земле,— тихо сказал Лев.— Им хорошо! Их никуда не тянет. А я только закрою глаза — вижу Африку. Я вижу высокие травы, деревья с нежными побегами, цветы...

Лев тяжело вздохнул. Положил большую голову на передние лапы и закрыл глаза.

Глава пятая

Ревут моторы. Летит самолет. В самолете, откинувшись на спинку кресла, сидит Лев. Нет, он не один. Рядом с ним — Леша Кашин, его неизменный друг. Оба они смотрят в круглое окошко. Оба ждут, когда под крылом самолета покажется Африка.

Ревут моторы и поэтому приходится кричать, чтобы услышать друг друга.

— Далеко до Африки?— кричит Лев.

— Нет!— кричит Леша Кашин.— Всего две остановки.

— Трамвайных?

— Самолетных.

Под крылом разливается синяя краска — море. А потом на смену ей разливается желтая краска — песок. Леша кричит:

— Смотри, Африка!

И Лев откликается:

— Вижу Африку!

И самолет идет на снижение.

Все это только снилось Льву. Потому что он лежал в своей клетке на деревянном полу, положив голову на передние лапы.

Грохот моторов смолк, и самолет бесшумно покатился по мягкой зеленой траве. И Лев увидел своих знакомых. Все они почему-то были в белых трусах и белых майках. Смотритель стоял с ракеткой в руке. Продавщица мороженого с веслом, Свиный Охотник с сачком, Милиционер — с копьём. Они были похожи на белые гипсовые статуи, которые обычно стоят в аллеях парков культуры и отдыха.

— Леша, посмотри, как все загорели, как хорошо выглядят. Не нервничают. Не волнуются,— сказал Лев.

— Как на курорте,— отозвался Леша.— Я же тебе говорил. Пошли искупаемся в Ниле.

— Пошли!— согласился Лев.
И они побежали, перепрыгивая через зеленые кочки.

В Африке красивые цветы,
Падают орехи с высоты.
Не хотите ль вместо мяса
Съесть кружочек ананаса...

Навстречу друзьям попались знакомые обезьяны. Они были в белых халатах и через плечо у них висели белые ящики с мороженым. Из соседней рощи долетел аромат цветов. Они свернули в рощу. Ветви сомкнулись над их головами, и раскаленные лучи солнца не могли пробиться сквозь зеленый шатер.

— Где же Нил?— спросил Лев Лешу.

— Где же Нил?— спросил Леша Льва.

И вдруг ветки зашевелились, послышалась птичья трель, и из чащи на дорожку вышел Жираф. На голове у него была милицейская фуражка, а на шее на цепочке висел свисток. И то, что друзья приняли за птичью трель, была трель свистка с горошиной.

— Проходите, проходите, проходите. На охоту — направо, в метро — налево. Учтите, что метро здесь называется пещерой. На водопой — прямо. Строго воспрещается гладить змей, дергать за хвост крокодилов, наступать на лапы львам и отнимать мясо у тигров... И,

пожалуйста, не обижайте людей. Среди них попадаются очень хорошие.

Ветви расступились, и между стволами показалась зеленовато-синяя полоска воды.

— Нил!— хором крикнули друзья и побежали.

А на берегу, в шляпе с петушиным пером, сидел Бегемот. А на задних ногах у него почему-то были надеты высокие болотные сапоги. Он сидел под развесистым хлебным деревом и пел:

А я Охотник Свирепый,
Не ем моркови и репы,
Не пью ни чая, ни кваса,
А ем тигровое мясо.

— Здравствуй, Бегемот!— сказал Лев.

— Здр-р-р-р!— лениво буркнул Бегемот.

— Тебе не жарко?— спросил Леша.

— Мне все равно,— ответил Бегемот и втянул в себя воздух.— Пахнет львами, пахнет мальчишками!

Лев и Леша пожали плечами и нырнули в воду. Они долго плавали в прохладной нильской воде. И Лев, работая под водой лапами, говорил:

— Милицейский свисток звучит здесь как трель певчей птицы. А метро называют чудно — пещерой. Интересно, как здесь называют Красную Пресню и Арбат? И где здесь Крымский мост через Нил? Спасибо, Леша, что ты открыл Африку.

Леша плыл рядом и отвечал:

— Это не я открыл Африку. Мы в школе ее проходили.

— Нет, нет, ты открыл Африку... для меня.

Горячее африканское солнце опускалось все ниже, ниже и наконец пропало в зеленой нильской воде.

Лев и Леша шли по узкой тропинке, слушали, как весело звенят цикады и трещат древесные лягушки.

— Уже стемнело. Пора спать,— сказал Леша.

— Я спою очень тихую песню для зверей о людях. Хорошо?— спросил Лев.

— Пой,— согласился Леша.

И Лев запел:

Спят все люди на земле,
На морозе и в тепле.
Спят в полете, спят в палатке.
Дети крепко спят в кроватке.
Баю-бай. Баю-бай.

Отработав целый день,
Отступило солнце в тень.
Только круглая луница
Золотое катит днище.
Баю-бай. Баю-бай.

Накормили люди львят.
Уложили спать слонят.
Принесли соломки ламе,
А теперь уснули сами.
Баю-бай. Баю-бай.

Пусть же будет мир везде:
В каждом доме и гнезде.
Пусть земля живет в согласье.
Я желаю людям счастья.
Баю-бай. Баю-бай.

И Африка погрузилась в сон.

Глава шестая

В это утро Лев проснулся раньше всех. Он открыл глаза, и долго не мог понять, где он. Ему казалось, что это не от мокрого асфальта, а от зеленой воды Нила веет прохладой, и что запах цветов долетает с высоких деревьев, а не с клумбы. Лев встал, потряс головой и осмотрелся. Нет, он был не в Африке, а дома, в Московском зоологическом саду.

Было рано, и его соседи еще спали. Большая пятнистая голова Жирафа лежала рядом с копытами. Обезьяны спали на боку, свернув хвосты улиткой. Кенгуру примостилась в уголке и спала сидя. А Бегемот разлегся на берегу бассейна, похожий на огромного невымытого порося. Он раздувал ноздри и храпел так, словно кто-то нудно и долго пилил бревно тупой пилой.

Где-то за оградой зазвенел трамвай.

Лев прошелся от стены к стене и решил: «Я должен отправиться в Африку! Я должен повидать своих братьев, искупаться в Ниле, поспать в сочной траве. Сейчас или никогда!»

Полный решимости, он подошел к двери и толкнул ее. Петли пронзительно закричали. Тяжелая дверь медленно отворилась. Лев вышел из клетки.

И надо же было случиться, что как раз в это время между деревьями мелькнул белый халат Продавщицы мороженого. Ветер раздувал его как парус, а на круг-

лом плече Продавщицы висел голубой ящик, до краев наполненный мороженым.

Покупайте мороженое,
Свежемороженное.
Красное, зеленое,
Сладкое, соленое.

В этот момент Продавщица мороженого увидела Льва. Она увидела Льва на свободе и стала пятиться. Она пятилась, пятилась, пятилась до тех пор, пока не очутилась в пустой львиной клетке. Тогда она вскрикнула и упала без чувств.

Лев очень заволновался. Он вбежал в клетку, наклонился к Продавщице мороженого и стал слушать ее сердце.

— Сердце бьется. Просто она уснула. Не надо ее тревожить.

Он уже собрался идти дальше, но как раз в эту минуту до него донеслась другая песенка:

А я Охотник Свирепый,
Не ем моркови и репы,
Не пью ни чая, ни кваса,
А ем тигровое мясо.

И перед Львом возник Свирепый Охотник, в полном боевом снаряжении: с ружьем, патронташем, ягдташем и медным охотничьим рогом. Охотник увидел Льва и окаменел.

— Простите, какое мясо вы едите?— переспросил Охотника Лев.

— Ку-ку-куриное,— заикаясь, ответил Охотник.

— Никогда не ел,— признался Лев.— Должно быть, очень вкусно.

— Вку-вку-вкусное!— заикаясь, сказал Охотник и пустился бежать.

Лев решил, что Охотник хочет немножко размяться, поиграть в пятнашки. И пустился вдогонку. Охотник бежал резво, как мальчик. И для того, чтобы было удобней бежать, он бросил на землю ружье.

Лев подобрал ружье и хотел вернуть его Охотнику. Но Охотник побежал еще быстрее. И юркнул в львиную клетку.

— Странный человек,— сам себе сказал Лев, стоя перед закрытой дверью, а Охотнику он сказал:— Отдохните, пожалуйста. Будьте как дома.

— С удо... с удо... с удовольствием,— отозвался из клетки Охотник, и тут он заметил, что у Льва в руках, то есть в лапах, заряженное ружье.

— Вы, кажется, уронили... это,— сказал Лев, протягивая Охотнику ружье.

Два ствола охотничьего ружья смотрели на Охотника двумя черными глазками.

И случилось то, чего Свирепый Охотник больше всего боялся: Лев за что-то потянул. «Что-то» оказалось спусковым крючком. Ружье выстрелило сразу из двух стволов. И Охотник упал без чувств рядом с Продавщицей мороженого.

Вдалеке раздалась трель милицейского свистка. И к львиной клетке, запыхавшись, подбежал Милиционер.

— Кто стрелял? В кого стреляли? По какому случаю?— Голос Милиционера был твердым, железным. Но в следующее мгновение железо сломалось: Милиционер увидел Льва на свободе и, будучи человеком смекалистым, юркнул в клетку.

Итак, в львиной клетке очутилось три неожиданных гостя: Продавщица мороженого, Свирепый Охотник и Милиционер. Это очень смутило Льва. Он сказал:

— Дорогие гости, извините меня, пожалуйста. Я бы ни за что не ушел и не оставил вас, но Африка очень далеко и мне надо спешить. Извините меня. Угощайтесь. В миске есть мясо и кости. Я скоро вернусь. До свидания!

Лев махнул тяжелой лапой и ушел.

Если бы он оглянулся, то увидел бы три бледных вытянутых лица, которые сквозь решетку смотрели ему вслед. И увидел бы три руки, которые махали ему. И услышал бы, как у троих гостей слегка постукивают зубы. Но Лев не оглянулся.

Когда же он скрылся за поворотом, на дорожке появился белый одуванчик. Смотритель шел не спеша, и ключи на связке слегка позвякивали. Вдалеке запел Петух. Смотритель остановился, достал большие часы и, прищурясь, посмотрел на циферблат.

— Петух отстал на полторы минуты!— сказал Смотритель.— Никак не приучу его к точности.

Он приложил часы к уху и спрятал их в карман.

В львиной клетке послышался слабый стон.

Смотритель прислушался и сказал:

— Наверное, это Рысенок.

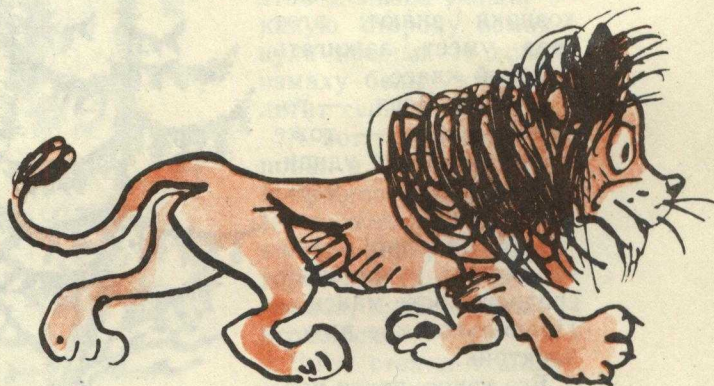
— Это не Рысенок,— донесся из львиной клетки голос Свирепого Охотника.

— Может быть, это Лосенок?

— И не Лосенок,— простонала Продавщица мороженого.

— Может быть, Тигренку приснился страшный сон?

— Это нам приснился!— ответил за всех Милиционер.

Смотритель оглянулся, и в львиной клетке, вместо Льва, увидел Продавщицу мороженого, Свирепого Охотника и Милиционера.

И тут по радио передали чрезвычайное сообщение:— Внимание! Внимание! Сегодня в семь часов пятнадцать минут по московскому времени Лев вышел из зоологического сада и сейчас ходит по городу. По полученным сведениям, он переплыл Москва-реку и идет по набережной. Ни один человек пока не съеден. Но опасность не миновала. Будьте осторожны. Не выходите из дому. Следите за детьми!

Мимо зоологического сада с ревом промчалась пожарная машина. Смотритель опустился на скамью и уронил голову на грудь.

Окончание следует

ЛЫЖИ МОИ, НЕСИТЕ МЕНЯ

Юван Шесталов

Рисунок Г. Моисеевой

Засверкали над Сосьвой яркие, как спелая морошка, звезды — рыбаки знают: «рабочий класс работает». Загорелись веселые огни в домах Игрима — колхозники знают: этот свет умеет зажигать рабочий класс.

— Наш Вася, — говорят манси, — тоже умеет зажигать удивительный свет — электричество.

— Я рабочий! — резко скажет сухощавый, среднего роста манси. — Правильное мое имя — электрик.

Его узкое, почти черное лицо в морщинах. И руки у него черные, маслянистые: Вася работает на электростанции, в газопромысловом управлении. Хорошо умеет работать на машинах. Семь часов отработал — домой. Вымылся, покушал — пошел в кино или в школу. Хорошо слушать учителя — плохо писать диктант. Руки понимают машину — ум не справляется с грамматикой: трудный русский язык!..

Проверит учительница тетрадку — а там ошибок!.. Вся страница разрисована — столько нет, наверное, на снегу следов куропачьих... Он знает следы. И капкан на горностая правильно ставит. Если кто ошибается — то горностай, а не Вася. Вот только в школе...

— А, хватит! — скажет он с обидой. — Посмотрю, как ошибаются другие — горностаи и куропатки.

И, огорченный неудачей, он становится на лыжи.

*Лыжи, мои лыжи,
По снегу белому несите меня.
Я сделал вас из шкур лосиных
ног.*

*Как носили вы лося, несите
меня...*

И несут его лыжи по снежному простору. Молодые ели приветливо ему кивают и от радости роняют легкие снежинки.

— Спасибо, хоть вспомнил. Росли ведь в детстве вместе, — под мелодичный шорох лыж, будто бы шепотом говорят деревья.

Ведь для манси деревья живые...

И лиственница старая к нему склонила голову, лиственница старая протянула руки: «А я тебе, внучек, приготовила по-

дарок. Сними с моей руки глупую тетерю».

*Лыжи, мои лыжи, несите меня.
Крылатая птица тоже ошибается.
Ой, какая трудная грамматика,
Спою-ка я лучше простую песню.
Лыжи, мои лыжи, несите меня...*

И он поет. О том, как мудрые ноги не хотят оставить свой ум в его голове, а звучные слова запутывают след своих узорчатых букв.

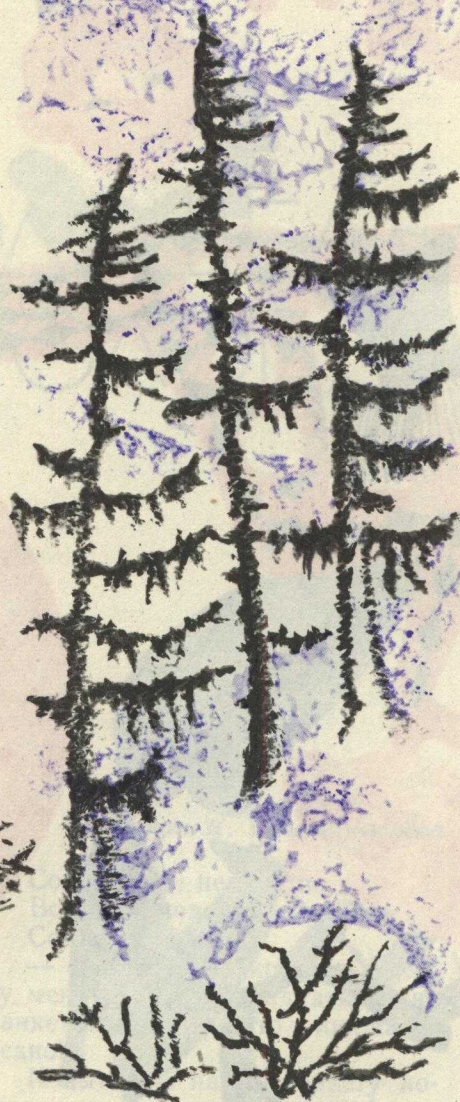
Много дел у Васи. Работал когда-то он дизелистом. И в какое время работал! Тогда мало кто верил, что на Севере есть газ и нефть. И где работал! В Березове работал! На той самой буровой, которая дала первый газ Сибири. Вот какое счастье у Васи! Вот о чем поет он в песне.

А какое счастье слушать тишину заснеженной Сосьвы!

Солнечный морозец целует зарумянившиеся щеки. Голубой ветерок поет в ушах. Шапка-ушанка машет мягкими крыльями. И Вася летит, летит под гору, к замерзшей, в снежном блеске, Сосьве.

Река оделась в песцовую шубу. Рыбам тепло. Под шубой такой разве замерзнешь?! Не хватает им теперь только воздуха. Они в это время плывут к живунам. Так называют на Севере незамерзающие родники. К ним тянутся косяки рыб. В таких местах их можно ведрами черпать... Вася знает эти места. Но не хочет использовать слабость природы. Рыба ведь не газ и не тягучая нефть. Долго ли ее вычерпать?

Вася любит ловить рыб. Только не тогда, когда они сла-

бые, еле-еле дышат и жизнь их держится на волоске. Вася ловит рыб, когда они носятся по плесу, как олени по снежному простору, когда сильными боками бьют журчащие струи, когда Сосьва стреляет звонкими всплесками.

*Знает манси, когда ловить рыб...
В седом тальнике седые куропатки
Чистыми лапками на седом снегу
Рисуют седые узоры...
Лыжи, мои лыжи, несите меня...*

И лыжи медленно, как усталые олени, тяжело дыша, несут его в гору. Над белым лбом берега шапкою седоватых волос—тальники. На глазастом снегу нет ни одной черной метки горького дыма. Хорошо дышать! И куропаткам, и человеку. На снегу рисуют узоры чистые лапки белых красавиц. Они снежными комками

двигаются от куста к кусту, от сугроба к сугробу. Вася любит читать эти узоры. Он знает, сколько минут назад прикоснулись к этой белизне лапки, в какую сторону взмахнули крылья. И вслед взмаху белых крыльев летит сердце охотника.

А вот горностай. Он попал в Васин капкан. В прошлое воскресенье Вася поставил его у входа в норку. Половил горностай под снегом мышей, хотел выйти — и ошибся.

Вася ставил капкан по всем правилам охоты. Чтобы не пахло человеком, не трогал его

голыми руками. Чтоб не пахло железом, капкан покрыл чистым листом бумаги. Чтоб не пахло бумагой, посыпал белым снегом.

Вася тоже знает правила! Не всегда ему ошибаться! Вот и ошибся горностай. А он не такой уж глупый. Его не каждый поймает. Пусть попробуют другие. Посмеется и Вася, когда они ошибутся...

Э-эй! А деревья уже стали ресницами солнца. Э-эй! А солнце уже уходит в снег. Э-эй! Скоро на электростанции моя смена наступит! Хорошо на охоте, а людям свет нужен! Э-эй!

*Лыжи, мои лыжи, несите меня.
В родной Игрим несите меня.
Сегодня ошибся горностай.
А ошибаться — больно.
Зажгу я людям яркий свет:
Пусть они не ошибаются!
Лыжи, мои лыжи, несите меня...*

ВЦИРКЕ

Владимир Торопыгин

Люблю, когда, руками дедов
хитро скрепленные навек,
два колеса велосипеда
разъединяет человек!
И, вопреки законам, мчится,
и губы шепчут: „Хорошо!“
И солнечно струятся спицы —
всего одно лишь колесо!

Люблю, — не знаю, в чем причина:
вот человек — как все на вид —
и вдруг — где тайная пружина? —
его бросает — он летит!
Летит — как бы плывет... Ногами
бьет воздух, словно воду бьет...
А налетавшись, рядом с вами
на землю твердую встает.

Люблю, когда ему предметы
несут — природе вопреки
штук восемь сразу — дела нету,
что у него лишь две руки!
А он, с улыбкой виноватой,
подарков радуясь красе,
берет, бросает их куда-то,
но тут же ловит — восемь, все!

Люблю я крик, что звонче горна, —
у крикуна пусть пот со лба!..
Конечно, у него не горло!
Конечно, медная труба!
И все в том голосе играет:
и звук, и воздуха глоток —
в момент, когда трубу меняет,
он в этом горле на свисток.

Люблю, когда я — в цирке!..

Рисунок И. Казаковой

ТУТ ПОДОШЕЛ СОЦИОЛОГ

А. Свенцицкий,

кандидат психологических наук

Человек положил на стол заявление: «Прошу уволить по собственному желанию». И ушел. Вот он уже за воротами предприятия. Вот уже устраивается где-то на новом месте.

А на его место приходит другой человек. Которого надо учить, вводить в курс дела. Только выучили—он тоже на стол заявление и до свидания.

Руководители завода чешут в затылках. Текучесть кадров! Что делать с текучестью? Время не ждет, нужно выполнять план, а как его выполнишь, если рабочие чуть не каждый день меняются?

— Рыба ищет где глубже, — вспоминают руководители нехитрую мудрость. — Где лучше человеку? Там, где больше заработок. Вот и вся причина.

И они начинают хлопотать об увеличении зарплаты на заводе. Хлопочут. Добились. Повысилась зарплата. А люди все равно бегут. И, между прочим, иногда как раз туда, где платят даже меньше.

Рисунок М. Беломлинского

Совершенно непонятно.

Вот тут и подошел социолог. Социолог сказал:

— Давайте разбираться. Здесь у меня около одиннадцати тысяч анкет, посмотрим, что в них написано?

И вытащил наугад анкету номер пятьсот тридцать семь. А там на вопрос «Почему Вы решили уйти с работы?» такой ответ: «Штурмовщина надоела. В первых числах месяца раскачиваемся, в последних — аврал».

— Видите? — сказал социолог. — А ну-ка, например, девятьсот двадцатую! И тысяча первую!

В девятьсот двадцатой жалуются — квартиру обещал завод и не дает.

В тысяча первой объясняют: работа не по возможностям, не получается быть наладчиком, физической выносливости не хватает.

А девять тысяч девятьсот девяносто девятая — самая неожиданная: «Всем доволен, только не нравится мне название моей спе-

циальности. Отшибальщик! Что я за отшибальщик?! Перед девушкой неудобно, я и без того стеснительный, как ей объяснить, чем занимаюсь?!»

— Вот, — сказал социолог. — Видите, что надо вам на заводе сделать? Штурмовщину победить, обещания свои выполнять и на-

счет квартир, и насчет прочего. Помогать людям выбирать себе работу по душе и по силам. Да и новые названия для кое-каких профессий придумать тоже не мешает, тоже не мелочь! И не станут рабочие с вашего завода бежать.

Эти десятилетние школьники чуть не каждый вечер собирались в пионерской комнате и лепили из папье-маше новогодние маски.

Здесь были ребята из трех классов: из третьего «а», из третьего «б» и из третьего «в».

И так получилось, что командовали ими тоже трое взрослых: вожатая Катя, преподаватель черчения Юрий Юрьевич и физрук Гантелькин.

Прошло немного времени, и обнаружилось: ребята одинаковые и работают одинаково, а масок в одной группе сделано очень много, в другой поменьше, а в третьей совсем мало.

И еще: в одной группе ребята готовы до ночи сидеть за столом, а в другой — зевают, потягиваются, через каждые пять минут у них перерыв.

В чем дело?

Тут подошел социолог.

Он предложил:

— Давайте проверим, как занимается каждая группа.

И выяснилось вот что.

Вожатая Катя показала, как лепить самые разные маски — и Буратино, и Чиполлино, и Бабы-Яги. И сказала потом: «Можете лепить то, что вам больше нравится, а что не ясно — спрашивайте».

«Чертежник» Юрий Юрьевич заявил: «Всем делать, как я велю!

Никакой самодеятельности! Видите — нос у Буратино в пятнадцать сантиметров? Чтоб у всех такой, я с линейкой проверю!»

А физрук Гантелькин притащил бумагу, краски, клей, вывалил на стол и призвал: «Давай кто во что горазд! Делайте, что хотите, и ко мне не приставайте, у меня час статической гимнастики». И принялся плечом стенку толкать и затылком косяк подпирать.

— Ясно? — спросил социолог. — Разные бывают руководители!

С такой картиной можно столкнуться и на взрослых, настоящих предприятиях. Работают в одной местности три совершенно одинаковых завода, имеют одно и то же число рабочих, выпускают одну и ту же продукцию. Но один завод всегда впереди, а другие — в отстающих. Оказывается, дело в разных методах руководства.

Где командиры ни во что не вмешиваются или, наоборот, вмешиваются в любую мелочь, опекают подчиненных по пустякам, — там результат хуже.

А там, где командиры стараются, чтобы подчиненные понимали задачу и решали ее с инициативой, — на таких предприятиях люди трудятся гораздо охотнее, с большей отдачей. Там, как говорят по-научному, самый благоприятный «социальный климат».

Товарищ Иванов работал грузчиком много лет.

Когда-то, давным-давно, он окончил шесть классов и с тех пор нигде не учился. Был помоложе — рассуждал: и так не пропаду, мешки таскать — алгебры не надо. А потом уже и возможности учиться не было, завод перешел на работу в три смены, если и поступить в вечернюю школу, все равно будешь постоянно пропускать уроки.

Увлекался Иванов раньше спортом, занимался в волейбольной секции, но и это пришлось бросить — не было на заводе спортивного зала, да и уставать стал, не до мяча. Видно, годы не те, решил Иванов.

Но тут подошел социолог.

— Слушай-ка, товарищ Иванов! По всем моим научным данным, скоро ты на заводе не понадобишься! Придут умные погрузочные машины — и профессия твоя ни к чему!

Иванов так и обмер. Что ж теперь делать-то? Он ведь ничего, кроме как «круглое катать, плоское кидать», не умеет! Неужели подаваться, пока не поздно, с завода?

Но социолог не отходил. Ему многое еще нужно было сказать Иванову — зря, что ли, чуть не год вели на заводе он и его коллеги исследования?

Да, действительно, грузчиков на заводе скоро не будет. Но, значит, нужно немедленно, уже сейчас готовиться им к перемене специальности. Директору завода уже рекомендовано открыть на самой территории завода вечернюю школу и учащихся в ней — и тебя, товарищ Иванов! — назначать на работу только в утреннюю смену. Создаются — не завтра, а уже сегодня! — различные курсы по повышению квалификации, — и образование получишь, и профессию сменишь. И уставать будешь меньше, а раз так, — не возобновить ли волейбол? Строительство спортивного зала вблизи завода тоже намечено!

Эта история не выдумана.

На нескольких ленинградских заводах трудятся сейчас социологи, изучают положение дел и советуют, что нужно сегодня сделать для завтра. Составляют так называемые «планы социального развития коллектива».

Прозвенел звонок с последнего урока, и в класс вошла вожатая Катя.

— Ребята! — сказала она. И посмотрела на часы. — Начинается новый учебный год. И нам нужно опять выбирать пионерский актив.

Она опять посмотрела на часы. Видно, куда-то спешила.

— Сделаем просто и быстро, — сказала Катя. — Вот первый от окон ряд парт. Это будет первое звено. Ребята во втором ряду — второе звено.

Теперь надо было выбирать звеньевых. И Катя дала пионерам такой совет. Выбрать Сашу, потому что он всегда круглый отличник. И Лену, потому что она

очень дисциплинированная. А Коля пусть будет председателем совета отряда, потому что он и отличник, и дисциплинирован. Пионеры не стали возражать вожатой Кате. И она торопливо покинула класс.

Время шло, а пионерская работа в отряде не ладилась. Как-то отправились ребята собирать макулатуру. «Первое звено будет заходить в дома по эту сторону улицы, другое — в дома на противоположной стороне», — скомандовал Коля. Но тут один пионер из первого звена говорит: «А я хочу с ними тоже, я с Алешей из этого звена дружу».

— И я во второе! — заявил еще один мальчик.

— А я в первое! — кричит девочка из второго звена.

— И я!

— И я!

Все чуть было совсем не перепуталось. Коля говорил, что нельзя. Но его никто не слушал.

В другой раз надо было выпустить стенгазету. Коля говорит членам редколлегии: «Давайте останемся после уроков!» А они чуть ли не все хором: «Да ведь сегодня такой хоккей по телевизору!»

Коля лишь руками развел.

Только Сережа молчит. А потом говорит: «Ребята! Во всех классах газета выйдет завтра. А

мы опоздаем. И весь отряд поведем».

И ребята остались после уроков. И пропустили хоккей. Но стенгазета вышла в срок.

Коля никак не мог понять, почему пионеры послушались Сережу. И вожатая Катя не понимала.

И тут подошел социолог. Он сказал: «Это значит, что ребята уважают Сережу больше, чем Колю. Спросите-ка у них, с кем бы они хотели вместе участвовать в пионерских делах, проводить свободное время».

Большинство пионеров ответило — с Сережей.

«Понаблюдайте за ребятами на переменах», — продолжал социолог.

Вокруг Сережи всегда большая группа одноклассников. Вот он рассказывает об интересной книге, вот он придумал новую игру...

А Коля на переменах все один. То заданное стихотворение про себя повторяет, то яблоко жует. Как посмотришь на него, сразу скучно становится.

— Разумнее сделать так, — говорят социологи. — Пусть вожжаком будет тот, кого больше всего уважают. И еще. Надо, чтобы товарищи попадали в одно и то же звено. Чем больше их в звене, тем оно дружнее.

5

Вот что такое социология. Наука об обществе.

Это наука древняя. Но только обогащенная трудами Маркса, Энгельса, Ленина она действительно стала наукой.

Социологи не волшебники, и

работа их совсем не так проста, как мы вам рассказали.

Постоянно и вдумчиво, самыми разными методами изучают социологи жизнь нашего общества. И делают это для того, чтобы в нашем народном государстве люди жили лучше и интересней.

СОВЕТ ДРУЗЕЙ

Алексей Васильевич Чуев — человек известный. Токарь Балтийского завода, на стапелях которого строят океанские корабли. И не просто токарь, Герой Социалистического Труда. Это во-первых. Во-вторых, Алексей Васильевич — председатель Совета ленинградских новаторов. Он вожак тех, кто придумывает самые правильные, самые быстрые способы работы, ускоряет технический прогресс. Чуев — депутат Верховного Совета страны, член советского парламента.

Но прежде всего — он станочник. Вот почему именно к Алексею Васильевичу обратился я от имени читателей «Костра», интересующихся рабочими профессиями. Смысл многих

вопросов сводится к одному: **есть ли такое призвание — быть рабочим?**

— Совсем недавно об этом спросили меня пионеры одной ленинградской школы, куда я был приглашен на сбор, — говорит Алексей Васильевич. Забавно началось наше с ними знакомство...

— Ребята, — объявила учительница, — сегодня у нас в гостях один человек. Отгадайте, кто он, кем работает.

Тридцать пар глаз внимательно изучали меня. Вот несмело поднялась первая рука:

— Вы моряк?

— Близко, — ответил я, — но не совсем.

— Летчик?

— Когда-то был и летчиком.

— Инженер!
— Часто им бываю.
— А в кино не снимались? — затараторила одна девочка.
— Случалось... Несколько раз.

В общем, класс терялся в догадках, пока Чуев не сказал ребятам, что он токарь с Балтийского. Пришлось объяснить, что с моряками его роднит общее дело — он строит корабли, что во время войны был летчиком, что инженерные задачи приходится в наше время решать каждому станочнику, а в кино его снимали и как передовика соревнования, и как лауреата Выставки достижений народного хозяйства в Москве, и как депутата Верховного Совета СССР.

Вот тут-то и стали спрашивать Алексея Васильевича, почему он стал рабочим, если знает столько разных профессий.

Именно это, по мнению Чуева, и определило его жизненный выбор — все уметь, строить жизнь своими руками. Так жил и отец Алексея Васильевича, известный в Ленинграде токарь Василий Никитич Чуев. По просьбе Алеши тридцать шесть лет назад он привел его на судостроительный завод.

Вахтер собрался было спросить Чуева-младшего о пропуске, но Василий Никитич опередил его:

— Сын. Хочу делу обучить!

До сих пор сам Алексей Васильевич вспоминает, как был счастлив, когда доверили ему старенький станок. Первый в его жизни станок с запахом разогретого машинного масла и металла. Сколько вечеров ухаживал он за «старичком», ремонтировал его.

Сейчас Чуев с ювелирной точностью работает на агрегате, способном обточить детали весом в сорок тонн. Стальная громадина — будущий валопровод. Резец снимает вороненую хрупкую стружку. Его задача на корабле — передавать усилия могучих машин гребному винту. Ошибешься сейчас, у станка, на сотую долю миллиметра, а беда случится где-нибудь в океанском рейсе...

— Алексей Васильевич, что, кроме призвания, необходимо хорошему рабочему? Это волнует ребят.

— Счет у нас, у станочников, ведется на сотые доли миллиметра. И, конечно, необходимо хорошо знать и математику, и геометрию, и физику, и свойства материалов, уметь чертить. Для работы на современном скоростном станке нужна солидная теоретическая подготовка. Азы дает школа, техническое училище или техникум.

В годы, когда Чуев овладевал нелегким мастерством токаря, все обстояло непросто. Опытные станочники не всегда стремились передать молодежи секреты производства. Иногда, делая какую-нибудь сложную деталь, накрывался человек брезентом и там, в темноте, «колдовал». И такой ценой оставался единственным хозяином своего мастерства.

У Алексея Васильевича — полцеха учеников. Есть уже среди них бригадиры, специалисты высшего класса. Но как и раньше, приходят они к своему учителю — обсудить сложное задание, а то и по житейским делам посоветоваться. Ведь Алексей Васильевич — депутат Верховного Совета страны.

А быть депутатом советского парламента, это значит заботиться о тысяче разных дел — не только о счастье отдельных людей, но и о судьбах всего мира.

Был такой случай: в столице Ирана — Тегеране проходила конференция межпарламентского союза. Представитель какой-то капиталистической страны попытался оправдать политику агрессивного Североатлантического блока НАТО. Лживые рассуждения возмутили Алексея Васильевича. Он попросил слова как член советской делегации.

Никогда в жизни не выступал он перед такой аудиторией. Большинство — профессиональные дипломаты, специалисты в области международных отношений. В зале перешептывались, пожимали плечами: «Чуев? Неизвестное имя...»

Алексей Васильевич говорил о страданиях и разрушениях, которые принесла война людям, о жертвах советского народа во имя победы над фашизмом.

Готовился ли Алексей Васильевич к выступлению? Нет, просто сказал то, что думал. Вот он, бывший военный летчик, сегодня строит мирные танкеры и рефрижераторы, исследовательские корабли и пассажирские теплоходы. Строит, чтобы страны и континенты стали ближе, чтобы люди лучше узнавали друг друга, торговали, дружили, путешествовали.

Советский народ, сказал Алексей Васильевич, не допустит, чтобы черные замыслы империалистов осуществились...

Долго не смолкали в зале аплодисменты, когда он кончил говорить. Делегаты социалистических стран, индийцы, представители африканских и латиноамериканских государств приветствовали в лице Чуева нашу великую страну.

Кое-кому речь советского парламентария пришлась не по вкусу. В перерыве Алексею Васильевичу был задан вопрос:

— Господин Чуев, откуда Советы берут таких опытных дипломатов?

— Я рабочий, — сказал Чуев. — Моя профессия — токарь...

Недавно Алексей Васильевич совершил туристское морское путешествие вокруг Европы. Белоснежный лайнер побывал в портах Балтики и Северного моря, бороздил волны Атлантики, Средиземного и Черного морей.

Часами Алексей Васильевич вглядывался в оживленную голубую дорогу. Силуэты многих кораблей он узнавал издалека, по очертаниям. Называл собеседнику имя судна, его скорость, водоизмещение, даже дату постройки.

— Замечательное зрение у вас, Алексей Васильевич, — заметил однажды кто-то, — ни разу не ошиблись.

— Не зрение, а память. Разве забудешь корабль, который строил своими руками? И нет для судостроителя более радостного события, чем спуск на воду нового корабля. Стоит на стапеле стальная машина, готовая к встрече со стихией... Сигнал — и огненная дуга аппарата режет задержник — стальной брус. Секунду корабль словно бы раздумывает. Затем, набирая скорость, устремляется вниз, к невиской волне.

Проводить корабль обычно приходят тысячи людей. Среди них почетные люди — его строители. Некоторым из них, как мне, тоже, наверное, посчастливится увидеть свое детище на морских просторах.

Записал Б. Грищенко

Скоро придет весна и в Ленинград.

И снова расцветут южные розы на Сердобольской, у последней конспиративной квартиры Ленина.

Пионерский розарий — подарок юных выборгцев и ребят Краснодара родному Ильичу. Как все началось?

В пионерской комнате Выборгского дворца пионеров собрался наш штаб. Хотелось придумать, как лучше всех отметить торжественную годовщину со дня рождения Ленина.

— А что если розарий у памятника?!

Совет проводили одни, без взрослых и, кажется, приняли неплохое самостоятельное решение.

Уже на следующий день написали письмо в Краснодар, просили прислать красные розы. Дни до ответа считали прямо-таки по пальцам. Каза-

ЮЖНЫЕ ГОСТИ НА ВЫБОРГСКОЙ

лось, краснодарцы медлят. Откуда было знать, что послание ленинградцев читают теперь в каждой школе, в каждом отряде Краснодара.

Игорь Белецкий — член Городского пионерского штаба «Сокол» Краснодара:

Получили письмо от ленинградцев и сразу же разослали обращение ко всем ребятам города с призывом «Розы городу Ленина».

Немножко задержались с ответом, потому что работали на строительстве, собирали металлолом, помогали на почтамте, перебирали овощи и фрукты. Заработанные деньги переводили на счет № 14216 Городского управления Госбанка. Для пионерского розария.

Зоя Ботюкова, член пионерского штаба выборгцев:

Нас пригласили на каникулах приехать в Краснодар. Никогда не забудем этот день. На вокзале нас встречали песнями. Замечательная была поездка в Крыловский плодопитомнический совхоз, в станицу «Октябрьская». Своими глазами увидели, как растут чайные розы, которые мы собирались выращивать. Главный агроном совхоза раскрыл нам секрет, как ухаживать за розами, как сохранить кусты в холодные зимние дни. Все советы скрупулезно записали в тетрадку, и все-таки опасались, «вдруг розы не приживутся...» Потом стали ждать майского тепла, ждать гостей из Краснодара. Наконец, телеграмма — «Встречайте». Розы прилетели на самолете!

Мальчики забеспокоились: «Как розы? Не повредили ли корни?» Но краснодарцы так хорошо упаковали все двести

пятьдесят кустов, что их можно было везти хоть на Дальний Восток. Пионерский груз летел бесплатно — спасибо Аэрофлоту!

Володя Королев — член пионерского штаба Выборгского района — 100 школа, 10-а класс:

На ночь розы отвезли в теплицу. В полной темноте (не могли найти выключатель) мы носили мешки с розами. И знаете — тяжести не ощущали, хотя весили мешки килограммов по 30 каждый...

Секатором разрезали веревки, чтобы розы не сопрели за ночь. Подсыпали им свежей земли.

Люда Булатова, член Городского штаба «Сокол» Краснодара, 45 школа, 8 класс:

Высаживали розы очень торжественно. Сначала был митинг, посвященный закладке. Наши друзья-выборжцы рапортовали о сборе металлолома на трактор «Кировец», на строительство Саяно-Шушенской ГЭС. На митинге нас благодарили, даже уж слишком. Ведь

так бы поступили пионеры любого города. Вместе с нами высаживали розы и наши почетные гости: Герои Социалистического Труда, старые партизаны, ветераны партии, первые пионеры города Ленина. Здесь же у памятника ленинградцы дали слово ухаживать за розами.

Розы прижились. И даже зимой, укрытые сосновыми лапами, они сохраняли тепло заботливых рук.

*Л. Кролевецкая
Фото М. Ширмана*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

М. Геннадиев

Рисунки В. Орлова

На камнях Марсова поля высечены имена. Их много. Володарский, Урицкий, Рахья, Восков, Раков, Толмачев, Газа...

Но нет здесь Александра Скороходова, человека, имя которого носят улица на Петроградской стороне, завод и трамвайный парк.

Его сверстники и друзья, те, с кем он работал, воевал, боролся за победу Великого Октября, вспоминают:

Фамилия — Советский

Вот и кончилось двадцать шестое октября, первый день после победы революции.

— Товарищи, не ждите от меня речей. Одно могу сказать: Ильич в Смольном!

С ленинской партией Скороходов связал свою жизнь еще в дни ранней юности.

Аресты, ссылки, тюрьмы, — все испытал, через все прошел сормовский рабочий Александр Касторович Скороходов — профессиональный революционер, большевик.

В кабинет вбежал дежурный:

— Товарищ председатель! Подкидыш! У порога райсовета нашел!

В руках у дежурного был мальчонка, дрожащий от холода и заливавшийся слезами.

Скороходов приказал Пенкину — секретарю райсовета — выписать ордер и направить мальчику в единственный в районе детский приют.

— Ладно, — согласился в приюте. — Придется взять еще одного Бесфамильного.

Существовал такой обычай: когда в приют попадал безымянный малыш, его записывали Бесфамильным, а нарекали Иваном — и сколько их, Иванов Бесфамильных, мыкалось потом по Руси!

Работники Петроградского районного Совета Тылочкин и Пенкин домой не уходили. Поздно ночью, выпив по кружке горячего кипятку с куском хлеба тут же улеглись спать.

Разостлав на стульях свою выдавшую виды шинель, улегся и председатель Совета. Но сон к нему не шел.

Еще вчера он, начальник районного штаба Красной гвардии, брал под охрану мосты, соединяющие Петроградскую сторону с центром города, зорко наблюдал за юнкерскими училищами, расположенными в районе.

А затем по распоряжению товарища Подвойского направил отряды красногвардейцев на штурм Зимнего, сказав на прощанье:

Но шел второй день новой власти, и райсоветец Тылочкин возмутился:

— Позвольте, почему бесфамильного?

— Пардон, — насупилась директриса. — Не дадите же вы свою фамилию подкидышу?

— Мог бы и свою фамилию дать, но давайте обмозгуем по всем статьям нового порядка. Ребенок к вам послан из райсовета?

— Что из этого?

— А то, что фамилия мальчика пусть будет Советский.

— Неубедительно. Нет таких фамилий.

— Нет, так будет, — улыбаясь, сказал Тылочкин. — Все будет советским в нашей жизни. Решительно все!

Однако директриса не собиралась полностью сдаться:

— Что будет, то будет. Посмотрим. А насчет имени, надеюсь, не возражаете? Иван — имя русское.

— И Александр — русское. Это имя нашего председателя, товарища Скороходова. Смотрите, его подпись на ордере. Так что давайте записывайте: Советский Александр.

По-разному называли люди Скороходова. Задушевно и почтительно обращались к нему рабочие: «Касторыч!» А порой говорили: «Тебя всюду знают, по всей России, вроде как Шалапина. Шалапин, да и только».

Опытный подпольщик, Александр Касторович отлично соблюдал законы конспирации. Спокойной манерой разговаривать, внушительным видом своим он ловко вводил в заблуждение шпиков.

Человек с душой мягкой, отзывчивой, он становился непреклонно волевым, когда этого требовали обстоятельства.

Гобелен князя Горчакова

В одну из мглистых морозных ночей 1917 года красногвардейцы, наблюдавшие за центральной магистралью района — Каменноостровским проспектом, услышали шум автомобиля, шедшего со стороны Троицкого моста.

— Стой!

Раздался недовольный голос:

— В чем дело, товарищи?

— Ваши документы!

— Сейчас. Минуточку. Позвольте... Да, да. Кажется, забыл на столе. Но я нарком просвещения, моя фамилия Луначарский.

— Все может быть. Придется вас доставить в Совет. Касторыч разберется.

Машина, забрав патруль, тронулась. Завернув на Большую Монетную, подъехала к зданию райсовета.

— Вот так гвардейцы самого министра задержали, — улыбнулся Скороходов, пожимая руку Луначарскому.

В грозном 1919 году Скороходова назначили председателем Чрезвычайной Комиссии Северной коммуны, куда входили Петроград и область.

В том же году, весной довелось ему случайно встретиться с Максимом Горьким. Погуляли по скверу, поговорили о событиях. Внимательно присматриваясь к своему собеседнику, Горький высказал мнение, что трудно ему бороться с разномастными бандами, что не по характеру ему эта забота.

В своих воспоминаниях Алексей Максимович пишет, что Скороходов согласился: конечно, не по характеру, но раз надо, значит, надо. И добавил: «Владимиру Ильичу тоже частенько приходится держать душу за крылья».

— Все правильно, все по законам нашего сурового времени, но я рад случаю. Давно собирался поговорить с вами.

— Я вас слушаю, Анатолий Васильевич!

— Чье здание вы занимаете? — Луначарский стал осматривать потолок, лепные украшения стен.

— Князя Горчакова.

— Горчакова? А мне говорили, что райсовет в здании бывших сотрудников лица.

— Было так, товарищ Луначарский, до Октября. Тот дом напротив, через дорогу. А недавно сюда переехали, в княжеский особняк.

— Князь Горчаков... «Питомец мод, большого света друг, обычаев блестящих наблюдатель».

— Пушкина вспомнили?

Скороходов помнил и знал наизусть не только Пушкина. Еще в школьные годы пристрастился он к литературе. Его привлекали произведения романтические, герои которых в неравной борьбе совершали подвиги. Одной из первых таких книг оказалась «Песня о Буревестнике» — «Пусть сильнее грянет буря!»

Два года Скороходов провел в ссылке в захолустном городке Яренске, близ Вологды. Ежедневно вставал в четыре часа утра и принимался за книгу. Осваивал труды Маркса и Энгельса, Ленина и Плеханова. Изучал немецкий, биологию.

Даже в лютые морозы, когда его и группу ссыльных этапом гнали из Оренбурга за тысячу верст, Скороходов повторял немецкие глаголы и спряжения:

«Их либе, ду либст, эр либт»

Потирая руки, Луначарский улыбался:

— Выкурили князя? Сопротивлялся?

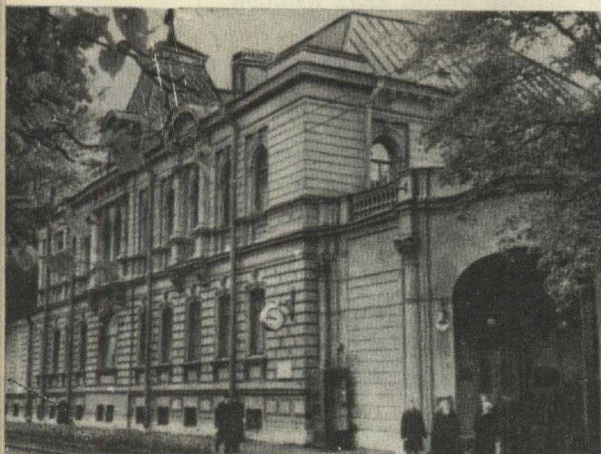
— Ясно, словчил князь. А вазы? А люстры? А гобелен, подаренный австрийским императором? Все это должно принадлежать народу. Именно по этому поводу я и хотел с вами говорить, Касторыч!

В ту же ночь сотрудники райсовета обыскали подвалы князя и в одном из них, где была свалена куча угля, нашли замурованную дверь, которая вела в подвал. Там лежали шедевры мирового искусства, которые Горчаков намеревался перевезти в Англию.

...На втором этаже Эрмитажа выставлен гобелен, вытканый ткачами города Нанси в XVIII веке. Остальные ценности переданы музеям Москвы.

С последнего фронта, куда партия послала Скороходова, он не вернулся, хотя фронт был не огненный, а хлебный.

Летом 1919 года Скороходов выехал на Украину, попал в Одессу, где успел закупить и отправить сорок вагонов продуктов, в том числе два вагона шоколада для голодающих

— Было. Сперва, когда к нему пришли, князь сказался больным. Просил явиться через недельку. Мы подождали. А оказалось, что он только время выжидал. За неделю сменил паспорт, стал английским подданным. При вторичной явке к нему заявил: «Я юрисдикции Советской власти не подлежу».

— Как так?—Луначарский заволновался.— И вы поверили?

— Вытряхнули. Дали помещение поскромнее.

— А как же с ценностями?

— Вот опись вещей, изъятых у князя.— Скороходов протянул бумажку наркому. Сняв пенсне, протерев его носовым платком и снова надев, Луначарский заходил по кабинету.

детишек Петрограда. Внезапно заболел сыпным тифом. Больного, его схватили петлюровцы.

— Товарищи,—говорил Скороходов перед казнью,—не верьте бандитам. Советская власть вернется. Мы победим.

Пионеры и школьники города Жмеринки Скороходов погиб в ваших родных местах. К вам слово ленинградцев: займитесь поисками могилы Скороходова.

Бессмертен
павший ЗА ВЕЛИКОЕ
дело
в народе жив
вечно

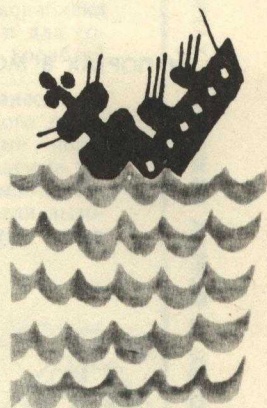
За несколько лет до второй мировой войны в Англии было немало людей, даже весьма влиятельных, мечтавших заключить военный союз с фашистской Германией против Советов. Хотя большинству здравомыслящих англичан такие настроения были чужды, поклонникам фюрера удалось пригласить в Лондон немецкую военную делегацию.

Был устроен банкет. То и дело провозглашались тосты:

- За нашу дружбу — до дна!
- За будущий союз — до дна!
- За победу над северным медведем — до дна!

Среди гостей оказался писатель Грэм Грин, приглашенный как бывший морской офицер. С отвращением он смотрел на раскрасневшиеся физиономии фашистов — немецких и британских. Неожиданно Грин поднял свой бокал:

- За германский флот — до дна!

Есть в Лондоне небольшой ресторан для очень богатых людей, где работает не совсем обычная прислуга. Официанты — князья и графы, шеф-повар — барон, а за буфетной стойкой разливает лимонад великая княгиня императорского рода. Что подедаешь — выброшенные из нашей страны в 1917 году потомки знатных семей рады любому способу заработать на хлеб.

Как-то у дверей ресторана остановился длинный черный автомобиль. Услужливый

шофер распахнул дверцу, и владелец роскошной машины направился к входу в заведение.

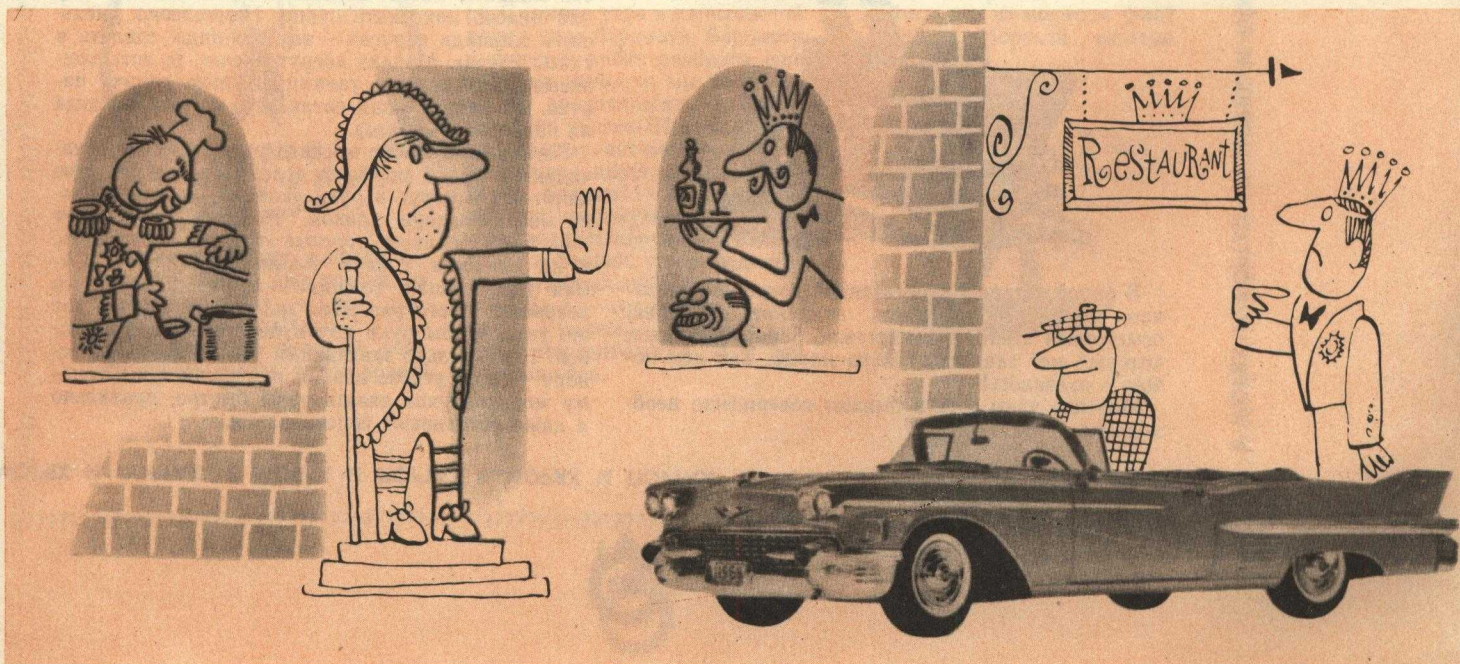
— Прошу прощения, свободных мест нет, — сказал ему швейцар.

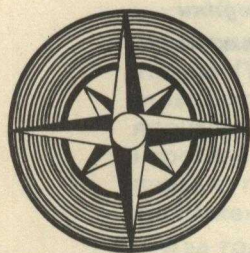
Слегка улыбнувшись, посетитель промолвил:

— Но я принц-консорт Великобритании.

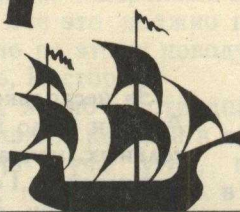
Швейцар поклонился:

— Весьма сожалею, но работники нам тоже больше не требуются.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 14-й

И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ

В одной истории, рассказанной доктором Ватсоном о Шерлоке Холмсе, знаменитый сыщик, осматривая место происшествия, обнаружил узел, который мог завязать только моряк. Так оно потом и оказалось!

Морские узлы есть и бывают совершенно необходимы.

...Вы идете под парусами. Свежий ветер. Парусов слишком много! Шквал может сломать мачту или опасно накренить судно. Немедленно уменьшить площадь парусов — вот что надо сделать в таком случае. Моряки «берут рифы», то есть подвязывают рифовыми узлами нижнюю кромку паруса. Рифовым узлом сотни лет, но они никогда не подводили моряков.

Загляните в любое морское училище. С чего начинаются уроки морского дела? Садятся будущие капитаны и берут в руки «концы» — куски веревки метра полтора длиной. Толщина тоже имеет значение: слишком толстые трудно завязывать, а на слишком тонких плохо виден узел. Самая подходящая толщина — с палец взрослого человека. Много раз надо завязывать один и тот же узел, чтобы руки потом действовали сами собой. Неправильно завязанный узел — позор, не говоря уже об угрозе аварии или несчастья. Поэтому моряков учат вязать узлы быстро, правильно и даже устраивают соревнования.

Всемирное обозрение
всех видов технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Жабы плавают в мороз

Люди-жабы в забавных костюмах появились на шведском побережье неподалеку от Гетеборга. Они испытывают новый тип скафандра для погружения в воду зимой. Скафандр выполнен из эластичного нейлона и может надуваться воздухом, а воздушная прослойка защитит ныряльщиков от холода.

В пустыне — рыбы!

Исследователи из музея Аделейд открыли в Симпсонской пустыне на юге Австралии оазис, а в его источниках — огромное количество неизвестных рыб.

Некоторые виды рыб прекрасно живут в соленой, почти кипящей воде.

Рези заменяет собаку

Тот, кто живет в городке Фридрихрода Германской Демократической Республики, прекрасно знает Рези. Она часто гуляет по улицам, с любопытством смотрит на магазинные витрины. Если встретит ребятишек, непременно остановится и даст себя погладить.

А вот приезжие всегда пугаются. Особенно темными вечерами, когда встречаются человека с палкой, а за ним какое-то чудовище.

Рези — кабаниха. Вот уже пять лет она живет у преподавателя лечебной гимнастики Курта Вендельмута. Он выкормил кабаниху из соски.

Фонари королевы Виктории

Вдоль Конституционного холма в Лондоне, там, где много лет стояли старинные фонари времен королевы Виктории, вспыхнули яркие огни новых светильников. Перемена вызвала у лондонцев бурю негодования. Дело дошло до того, что в Палату общин был подан протест.

Пришлось убрать современные светильники и подвести электричество к старинным фонарям.

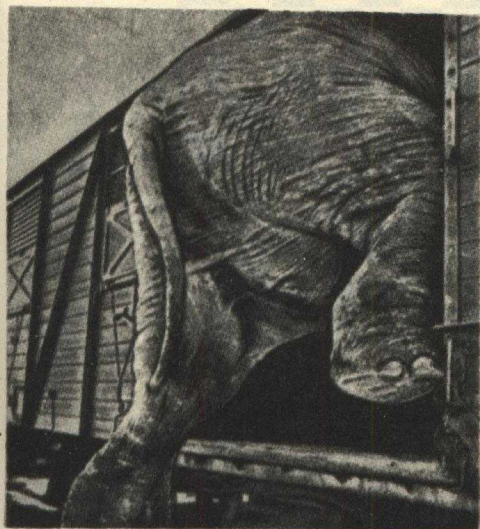
Космос или футбол?

Для трансляции с космического корабля «Аполлон-8» американская телестудия прервала на одиннадцать минут показ футбольного матча. После этого на студию за час позвонили две с лишним тысячи возмущенных футбольных болельщиков.

Летайте в тарелке!

Этот летательный аппарат напоминает по форме обыкновенную тарелку. В ее середине небольшая кабина на одного человека, а на дне мотор в семьдесят две лошадиные силы. Мотор приводит в действие винт, и тарелка, как вертолет, сразу поднимается в воздух, взлетная полоса ей не требуется.

Летающие тарелки изобретены в США.

Слониха покидала город после гастролей. Фотограф был на месте и снял в последний миг любимицу публики.

Памятник зубным врачам

Японец Таситака Кавахара, который вот уже двадцать лет лечит людям зубы, воздвиг оригинальный памятник. На постаменте лежит камень, составленный из 54 тысяч зубов, вырванных доктором за годы работы. Это первый в мире памятник зубным врачам.

— Какие самые главные шахматно-шашечные события предстоят в 1970 году?

— Самые главные? Командное первенство мира, чемпионат Советского Союза, рыцарский турнир АРЧЕБЕКА.

— Кто допускается в рыцарский турнир?

— Все рыцари АРЧЕБЕКА, как старые, так и вновь вступающие.

— Как они будут состязаться?

— Выполнять мои приказы, рапортовать и получать за это очки, которые будут подсчитаны в конце года.

— Что ожидает победителей?

— Призы и спортивные разряды! За 145 очков — второй разряд, за 120 — третий, за 100 — четвертый. А за лучшие рапорты месяца я буду награждать дипломами.

— А как быть неумеющим играть? Могут они вступить в АРЧЕБЕК?

— Могут. Я зачислю их в отряд рыцарей и научу играть. Для рыцарей — свой турнир, победителей которого я переведу в рыцари.

— И последний вопрос. Можно ли участвовать сразу в шахматном и в шашечном турнирах?

— Можно. Но рапорты обязательно присылать раздельно. Также нужно присылать раздельно рапорты, если они относятся к двум разным приказам.

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

Все, просившие о приеме в Армию Рыцарей Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК), могут спать спокойно: они приняты! Как сообщил шахмат-капитан Пешкоедов, прием продолжается. Торопитесь!

Электронно-вычислительная машина (ЭВЧ-1) круглосуточно и без выходных дней подсчитывает очки, набранные рыцарями в 1969 году. Другая машина, ЭВЧ-2, вычислила, что ЭВЧ-1 закончит подсчет к февралю. Результаты будут опубликованы.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям шахматистам — раскусить три блюда из меню кафе «Проходная пешка».

§ 2. Рыцарям шашкистам — 1) включиться в спор в «Уголке заядлых спорщиков»; 2) найти за белых комбинацию — белые: c1, c3, e1, e5, f4, g1, h2; черные a5, b6, c7, d6, g7, h4, h6; 3) найти за белых комбинацию — белые: c3, d2, e1, f2, g3, h2; черные: a5, c7, e5, f8, g5, g7, h8. Автор обеих комбинаций — рыцарь Сережа Ковалев из Южно-Сахалинска.

§ 3. Рыцарям — узнать у старших или играющих товарищей названия и ходы фигур. Узнать, что это такое и нарисовать — А) шах; Б) мат; В) пат.

§ 4. Срок присылки рапортов до 1 апреля. Помечайте на конвертах: АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Сегодня спор о позиции Сережи Петухова (Канаш) — белые: дамка b8, простые b2, c1, g3; черные: простые a3, b4, d4, h8. Сережа уверяет, что даже угроза черных пойти b4—c3 не помешает белым одержать победу. Включайтесь в спор! Кто за Сережу? Кто против?

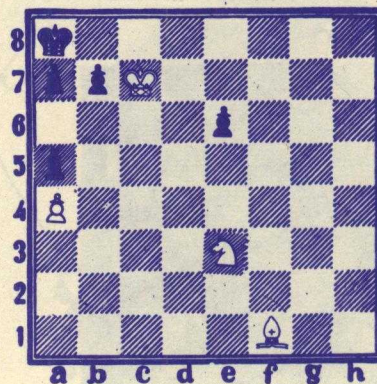
ТВОЕ ЛЮБИМОЕ БЛЮДО

При АРЧЕБЕКЕ открылось кафе «Проходная пешка». Здесь рыцарям подаются шахматно-шашечные блюда, приготовленные лучшими мастерами и гроссмейстерами своего дела: жаренные на мате двухходовки и трехходовки, кисло-сладкие комбинации, этюды с изюминкой, а также дебютные и эндшпильные прохладительные напитки. В январском меню имеются:

А. Задача — белые: Крб6, Фаб6; черные: Крб8, Ла8, п.п.а7, с7. Тут мат в два хода. И подумайте: а не могут ли черные рокировать?

Б. Этюд — белые: Кра4, Кf2, п.а2; черные: Крd5, Ch5, п.б2. Черная пешка грозит стать ферзем. Белым, конечно, пришлось бы сдаться, если бы не патовая изюминка, мастерски «запеченная» в этот этюд его автором — рыцарем из Перми Андреем Яковлевым. Как же белые ухитряются тут сделать ничью?

В. На диаграмме задача ленинградского арчебековца Володи Зверева. Сбежавший в угол черный король отчаянно сопротивляется, но — получает мат в четыре хода.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличное выполнение приказа № 9 (1969 год) награждены дипломами: Виктор Козырев (Суоярви), Миша Пальчик (Шадринск), Володя Брюквин (Ленинград), Андрей Ременный (Новосибирск), Витя Измайлов (Глазов), Люда Горбунова (Свердловск), Юра Барков (Ленинград), Артур Немыкин (Кировобад), Леша Чусов (п. Северский), Саша Минов (Уваровичи), Олег Соболев (Москва) и другие.

Дружба - 友情

Говорят, сколько ни топчи траву, сколько ни вырывай, — корни остаются и дают новые всходы. Наверное, поэтому ребята Саппоро назвали свой первый в Японии Дом школьника «Кусанонэ-Кай». «Куса» по-японски трава, «кай» — корни.

Пока еще не все школьники могут свободно посещать свой Дом: многим запрещают родители. Приходится забегать в «Кусанонэ-Кай» тайком, чтобы прочитать книжки о советских ребятах...

И все-таки запретов страшатся все меньше, а в обществе дружбы японских детей с советскими пионерами все боль-

ше детей. Маршируют по улицам города мальчишки и девчонки в красных галстуках, звучат барабаны и горн. И с чувством зависти смотрят на них те, у кого пока еще нет красного галстука.

Под Новый год теперь собираются вместе у елки, присланной из города Находка. Красивая, пушистая елка. И каждому достался в подарок набор елочных игрушек.

Накануне Нового года вспоминается все хорошее, что произошло у тебя за год. Командир пионеров Гото Осаму припомнил дни, когда с шестью другими ребята-

うな
気が
する

ми он отдыхал в лагере «Волна». Акому вспомнил самый счастливый день прошлого лета: он шел на торжественную линейку впереди экипажа «Ленинский луч» и нес флаг отряда. Это тоже было в «Волне».

Уезжая из пионерского лагеря, маленькие японцы оставили новым друзьям автографы.

«Советских ребят приглашаем к нам в Саппоро».

Сейко Сиратори,
5 класс
начальной
школы

«На Хоккайдо журавли прилетают только зимой. Весной они улетают в Сибирь. А когда наступает осень, журавли возвращаются к нам. Раньше я думал, что они летят, чтобы посмотреть на Советский Союз. Я очень завидовал им! К моему счастью, я тоже побывал в Советском Союзе и узнал, как живут и отдыхают дети».

Гото Осаму,
8 класс
средней
школы

ПИСЬМО ИЗ САППОРО В НАХОДКУ

«Дорогие ребята!

Первый раз пишем вам. Наши города — побратимы. Давайте и мы дружить!

Город Саппоро — столица острова Хоккайдо, здесь живут десятки тысяч человек.

У нас очень снежная зима. К февралю-марту накапливается снега больше метра высотой. Как раз в это время на главном бульваре города начинают готовиться к фестивалю: строят снежные статуи гигантского роста, дома изо льда, освещенные изнутри разноцветными огнями. Очень красиво! Саппоро становится сказочным городом. Это и есть снежный фестиваль. В школьных дворах тоже лепят

снежные фигуры, кто какие сумеет. Иногда они не тают до самой весны. Посылаем вам снимки, сделанные во время фестиваля».

Исидзи Ацуко, 11 лет,
Гото Кадзуко, 13 лет

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

(Рассказ мэра города Находка Владимира Ивановича Павлова).

— Три раза я был в Японии с визитом дружбы, и каждый раз на причалах нас провожали и встречали цветами японские ребята.

Помню, как удивились мы, увидев на улицах Отару ребятишек в красных галстуках: ведь пионерской организации в Японии нет. И все-таки японские пионеры шагали по улице с горном. Совсем как ходите вы, юные ленинцы. Уже знакомый вам Гото Осаму рассказывал, что его маленький отряд специально приехал из Саппоро встречать нас, советских гостей. А галстуки, горн, барабан — подарки советских ребят, привезенные руководителем Дома школьника госпожой Миной Ямомото.

Гото Осаму от имени ребят передал мне, что все дети Японии борются и будут бороться вместе со взрослыми за мир против войны.

Я побывал в начально-средней школе «Инахо» города Отару. Меня засыпали вопросами: ставят ли в наших школах двойки, надо ли платить за учение, сколько уроков бывает в день, можно ли дружить мальчику и девочке...

Слова мир и дружба были паролем наших встреч в Японии.

АДРЕСА

Те, кто захочет переписываться с детьми из Саппоро, пишите по адресу:

Минами 8 дзо, Ниси 12 — чоме, город Саппоро, Хоккайдо, Япония, Мине Ямомото.

(Она передаст ваши письма ребятам).

— В шесть часов под Новый год
сяду я на Пароход,
„Альбатросом“ назову,
в Антарктиду поплыву.
Там возьму я Паровоз,
чтоб меня на полюс вез.
А на полюсе, где лед,
сяду я на Самолет.
Я скажу: — Самолет,
Надоел мне снег и лед.
Я в тепло теперь хочу.
В общем, в Африку лечу.
Море, пальмы — красота!
Подзову к себе Кита,
ухвачусь за фонтан,
курс возьму на Индостан.
Там Кита я отпущу,
Тигра в джунглях отыщу

и на нем переезд
совершу на Эверест.
Там найду гнездо Орла.
— Таковы, Орел, дела, —
надо мне в кратчайший срок
мчаться во Владивосток.
Промелькнет под нами глушь,
Куэнь-Лунь и Гиндукуш,
и во всю свою ширь
нам откроется Сибирь.
— Там в берлогу палкой ткну,
разбужу Медведя. — Ну, —
я скажу, — кончай реветь,
на Урал вези, Медведь.
Там я в горы побегу,
Волка в сани запрягу
и скажу: — Давай-ка, брат,
полным ходом в Ленинград!

С Новым годом, друзья „Уголька“!
И с днем рождения!

Угольку исполнилось пять лет. В январе 1965 года появился на свет (а вернее сказать — вышел в свет) самый первый „Уголёк“. За эти годы те, кому предназначался самый первый „Уголёк“, подросли, стали читателями „Костра“ и теперь сами могут делать журнал для своих младших друзей.

Делать „Уголёк“ теперь еще проще, чем раньше. Странички надо вырезать по линейкам, проделать отверстия, где указано, и подшивать выпуски „Уголька“ в течение всего года по порядку. В декабре у вас получится целая книжка.

Перед праздником мы спросили у пятилетнего „Уголька“, какой подарок он хотел бы получить.

— Кругосветное путешествие! — не задумываясь, ответил „Уголёк“.

И добавил:

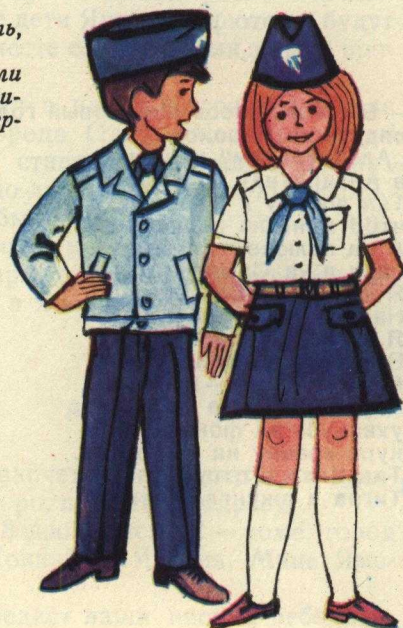
2

Выслушав речь „Уголька“, мы решили отпустить его в путешествие — ведь он уже большой.

— Только один уговор, — сказали мы ему, — ты должен привезти нам стихи и сказки из разных стран, где ты побываешь.

— Хорошо, — согласился юный путешественник, схватил кисть, нарисовал себе пароход и уплыл.

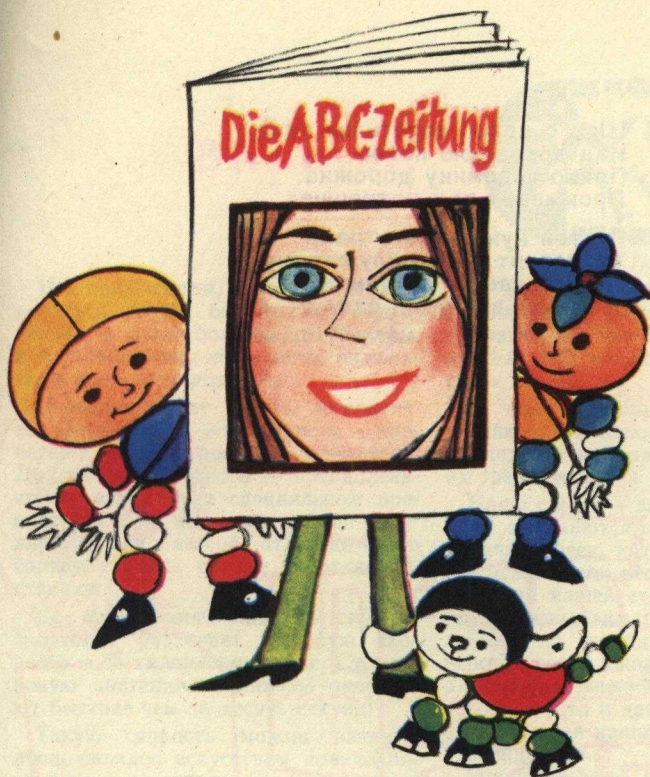
Через три дня почта принесла нам первое послание — это были подарки немецких друзей „Уголька“ из журнала „АБЦ-цайтунг“. Видимо, первую остановку на пути в Антарктиду „Уголёк“ сделал в Германской Демократической Республике. Где-то он теперь?..

Рисунки немецкого художника Ханса Бетке

Немецкие стихи пересказал Михаил Еремин

4

Ролли, Флици и Шнап — друзья всех читателей „АБЦ-цайтунг“.

Вместе с Берлинским Медведем они приветствуют советских ребят.

5

ПРО ЕЖА

С ежами, с ежами, с ежами,
Конечно, знакомы мы с вами.
А кто не знаком,
Познакомьтесь с ежом.

Под кучей валежника еж проживает,
Червей и улиток без счету глотает,
И тем, кто в амбарах ворует зерно,
К нему на обед угодить суждено.

С ежами, с ежами, с ежами,
Конечно, знакомы мы с вами.
А кто не знаком,
Познакомьтесь с ежом.

Иное знакомство опасно в лесу —
Иголками ежик встречает лису.
В замке на дверях не нуждается ежик,
Не любит расчески и зеркала тоже.
Он письма без подписи пишет друзьям.
Неплохо на свете живется ежам.

С ежами, с ежами, с ежами,
Конечно, знакомы мы с вами.
Но кто не знаком —
Познакомьтесь с ежом!

Сара и Райнер Кирши

7

ПО ДОМАМ

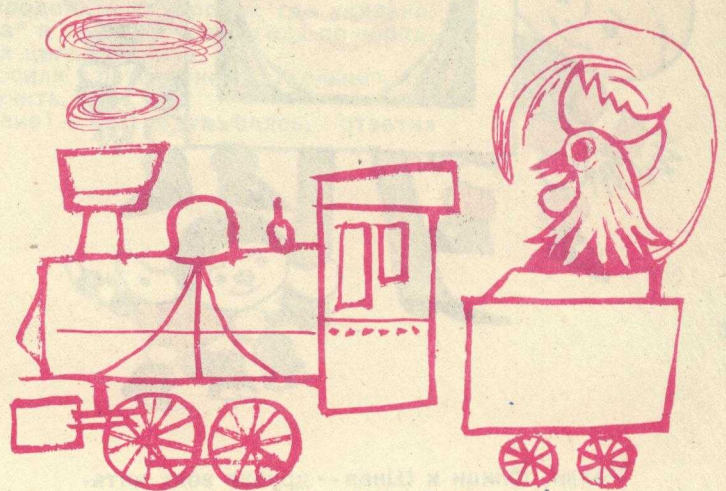
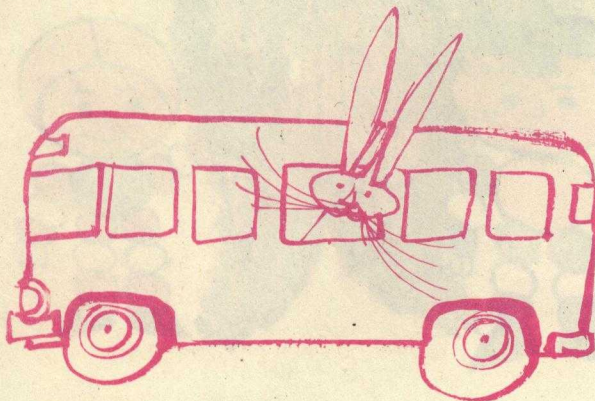
Путь широк. Автобус скор.
Тормозить пора, шофер!
Это Зайкина лужайка.
Ну-ка, Зайна, вылезай-ка!

Вот из кубиков вокзал.
Паровоз примчал и встал.
Видишь домик петушка?
От вокзала два шажка.

Шар с небес спустился вниз.
Над дорожкой повис.
Прямо к домику дорожка.
Проживает там матрешка.

В этой кукольной стране
Транспорт верно служит мне.
Всех развез я по домам
И домой вернулся сам.

Альберт Габриэль

6

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

Чтоб шар воздушный не грус-
тил,
На нем, губаст и ал,
Я быстро рот изобразил.
И шар захохотал.
Нарисовал два глаза.
Гляди на белый свет!
И шар воздушный сразу
мне подмигнул в ответ.
Не жаль мне красной краски
и желтой мне не жаль.
Ну прямо гном из сказки!
Лети, мой шарик, вдаль!

Манфред Штрубел

КЕНГУРУ

Вот животное занятное!
Бокс — любимое занятие.
С ним на ринге не до смеха,
Сумка вовсе не помеха.

Не беда, что в верхней трети
Он похож на зайца, дети.
Посмотрите на прыжки:
Все рекорды — пустяки!

И притом,
С таким хвостом
Стал он знатным плясуном.

Герда Ротшалк

8

ВПЕРЕД,

БЫСТРОНОГИЕ!

Нет вида спорта, в котором можно добиться успеха без беговой подготовки. И баскетболисты, и боксеры, и фехтовальщики непременно включают в свои тренировки бег.

Особенно любят бегать легкоатлеты. Одни из них — марафонцы — пробегают за раз десятки километров. Другие — барьеристы — преодолевают на своем пути специальные препятствия. Но, пожалуй, самый популярный вид легкой атлетики — это спринт, то есть бег на короткие дистанции.

Во время состязаний по спринту спортсмен развивает большую скорость — 35 километров в час. Стометровую дистанцию чемпионы пробегают быстрее чем за десять секунд!

Такую скорость можно развить, лишь овладев искусством правильного и красивого бега. Стремительному бегу надо учиться так же, как и любому другому серьезному делу. И чем раньше начать, тем лучше!

Где? — спросишь ты.

В этом тебе, читатель, поможет специальная спортивная школа «Спринт», вот уже шестой год существующая при редакции журнала «Костер».

В школе «Спринт» почти 30 000 учеников. На каком же стадионе занимается такая армия бегунов? Кто их тренирует?

Наша школа — заочная. Все ее ученики занимаются самостоятельно. В тысячах ячеек, которые есть во всех без исключения республиках, краях и областях нашей страны, круглый год идут тренировки по планам, рассылаемым из редакции «Костра». Тренерский совет школы составляет комплексы упражнений для ребят различного возраста и дает индивидуальные консультации нашим постоянным корреспондентам.

Ученики нашей школы

— разучивают специальные упражнения спринтера;

— овладевают правильной техникой бега;

— получают навыки строительства спортивных площадок;

— знакомятся с историей легкой атлетики.

Ребята, добившиеся лучших спортивных результатов, активисты, которые сумеют создать кружки спринтеров, ежегодно собираются на Всесоюзные слеты юных бегунов. Эти слеты проводятся в пионерском лагере «Орленок» на берегу Черного моря.

Прием в школу «Спринт» продолжается круглый год. Записаться к нам может любой школьник от 10 до 16 лет.

Если ты, наш новый читатель, хочешь стать юным спринтером, аккуратно спиши и заполни анкету и пошлешь в редакцию, а в отдельном письме расскажи о себе и своих успехах в учебе, пионерских делах, спорте подробнее. О твоих спринтерских способностях мы сможем судить по скорости отсылки анкеты!

ВПЕРЕД, БЫСТРОНОГИЕ!

Прошу принять меня в школу «Спринт».

Моя фамилия Меня зовут
Я родился « . . . » 195 . . . года. Я — пионер,
комсомолец, (выпиши нужное)

Мой домашний адрес

Класс и школа Я занимаюсь в спортивном кружке (секции)
раза в неделю.

Я имею спортивный разряд по

Мои лучшие результаты:

в беге на 60 м
в беге на 100 м
в прыжках в высоту
в прыжках в длину
в других видах легкой атлетики

Мой рост Вес

Наш адрес: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, «КОСТЕР», «СПРИНТ»

Сверху на конверте красным карандашом поставь цифру «1»

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие даты воспоминания <i>Е. В. Бонч-Бруевич</i>	1
Мужское воспитание повесть <i>Б. Никольского</i>	9
Страна Поэзия	23
Время и соль рассказывает <i>С. Тхоржевский</i>	25
Лев ушел из дома сказка <i>Ю. Яковлева</i>	27
Лыжи мои, несите меня очерк <i>Ю. Шесталова</i>	36
В цирке стихи <i>В. Торопыгина</i>	38
Тут подошел социолог очерк <i>А. Свенцицкого</i>	39
Совет друзей	43
Председатель Совета очерк <i>М. Геннадиева</i>	48
Уголок веселого архивариуса	51
Морская газета	52
Вот так штука! о неожиданностях и чудачествах	54
Арчебек	56
«Дружба»	57
Уголек	59
Школа «Спринт»	63
Следы на снегу. Текст и рисунок <i>В. Уфлянда</i>	

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

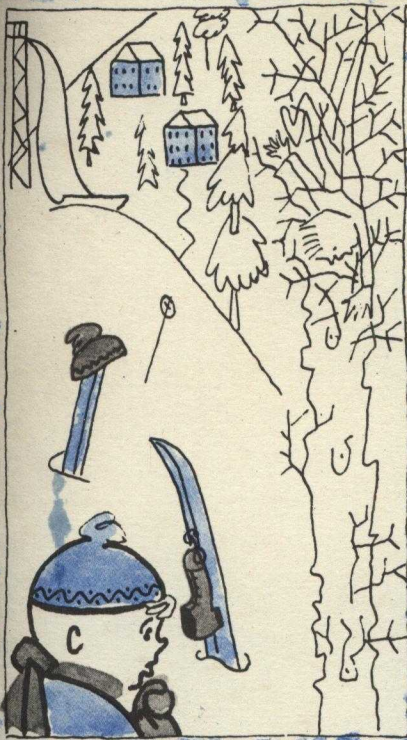
Рукописи не возвращаются
Корректор *В. А. Маевская*

Технический редактор
А. А. Двораковская

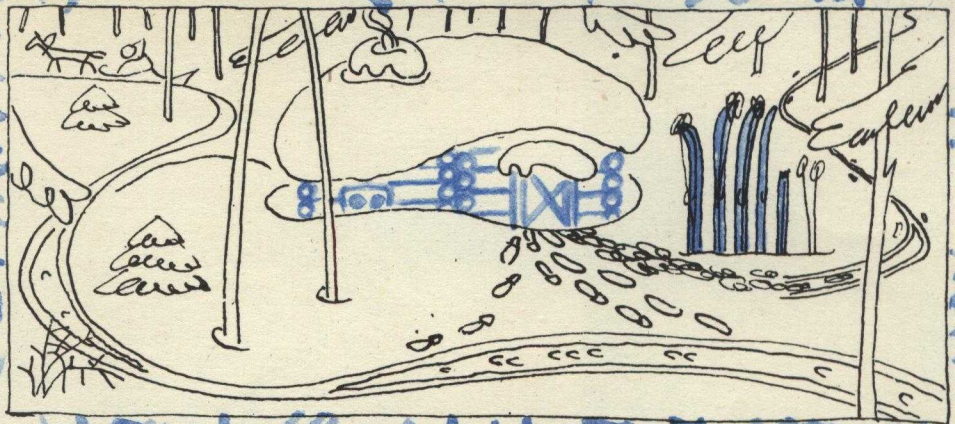
Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-61562. Подписано к печати 22/XI 1969 г. Формат 84×108 $\frac{1}{4}$. Печ. л. 8±1 вкл. 6,36 усл. п. л. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 370000 экз.
Заказ № 1631. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ленинград. Кронверкская ул., 7.

Где же лыжник?

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Сколько человек греются в лесной сторожке?

С
Н
Е
Ж
И
Н
К
И
Л
Е
Т
А
Ю
Т

— Представляешь себе,—говорит Коля,—на меня только что напала собака Жучка, схватила у меня тетрадь с заданием по английскому и сразу же съела!

— Я советую тебе,—ответил Коле Вася,—выкопать тетрадку из сугроба, извиниться перед Жучкой и честно признаться Белле Ивановне, что ты не выполнил домашнего задания.

— Как ты обо всем узнал?—воскликнул Коля.
Действительно, ребята, как?

ПЕЧАЛЬНЫЙ
СНЕГОВИК

Снежинки в воздухе летают.
И лед как новенький блестит.
А с ним никто не поболтает.
Он в одиночестве грустит.

Снежинки в воздухе летают,
Куда упасть, гадают.

На нем кастрюля жестяная.
Ну, подойди к снеговiku,
Спроси, зачем не шерстяная
На нем ушанка на меху?

Снежинки в воздухе летают,
Куда упасть, гадают.

Цена 25 к.

КУКЛЫ

Наташа Дарницкая, 8 лет

Индекс 70445